

АЛЕКСАНДР
БЛОК

Александр Блок

2

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

В. Н. ОРЛОВА

А. А. СУРКОВА

К. И. ЧУКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1960

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

1904—1908

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1960

*Подготовка текста
и примечания*
Вл. О Р Л О В А

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

(1904—1908)

ВСТУПЛЕНИЕ

*Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.*

*Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.*

*Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излучённый путь...*

*О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!*

16 апреля 1905

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

(1904—1905)

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Макбет

* * *

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце—как медный шлем война,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...

И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Всё дышит ленивым
И белым размером
Весны.

5 мая 1904

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

А. М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искавил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый чорт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

* * *

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот — предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

ТВАРИ ВЕСЕННИЕ

(Из альбома «Kindisch»* Т. Н. Гунпуе)

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в отдаленные трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.

Утро сонной тропой пустило стрелу,
Но одна — на руке, опрокинутой в высь,

* «Детское» (нем.). — Ред.

Ладонью в стволистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночью вы не радели —
Вот и всё ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком светло.

Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.

Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чортик запросится
Ко Святым Местам,

19 февраля 1905

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила вокруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.
Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере».

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За большую звериную лапу,
И за римского папу.

Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905

* * *

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовом дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
«Ты, красавица, верно, ко мне!
Стосковалась в своей тишине!»

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они ввечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

* * *

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот знак, что сгорел, — не умрет.
Этот куст — без истления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

* * *

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схима — желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голоса,
Всё о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне
знаком,
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой — навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревого свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей —
Старину озаренных болот.

3 июня 1905. Новоселки

* * *

Болото — глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смежённых ресниц —
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
«Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила».
И когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые — смеются,
А у девушек — ясно видны
За плечами белые крылья.

3 июня 1905

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам —
Приложилась к мощам — и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злачными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высоко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть...»

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!

Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозная над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевают и нам Купина...»

Июль 1905

* * *

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

ЭХО

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову — и трикраты
Мне издали звонко
Отвечает нимфа, отвечает Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...

Вот, богом достигнута, падает Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повтореньи
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти и страсти —
Венчальные ветви
Осенних убранств и запястий...

Там — в синем раздольи — мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопою твоей не сгорать.

С нами, к нам — легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих знаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905

НОЧНАЯ ФИАЛКА

Сон

(1906)

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото, —
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извозчицьи дрожки,

Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин,
Также не были чужды ему
Девицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но всё посерело, померкло,
И зренье у спутника — также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?)

Прохожих стало всё меньше.
Только тощие псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку, —
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Всё, что вижу во сне, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинута мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрему, и в лень,
Где внизу и вверх,

И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари, —
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром всё было спокойно
И торжественной встречей полно:
Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От паставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журффиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состоянии желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза, —
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой, —
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,

Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в седи́нах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пропизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши

Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжело опять приступить
К исполнению сурового долга,
К поклонению забытым венцам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью,

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дожидаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,

Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недóпитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За беспцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сижу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.

Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шлема,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше — беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королевна,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгу думу,

И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть может,— столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далёко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночною Фиалкой.

За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаюсь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

18 ноября 1905 — 6 мая 1906

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1904—1908)

* * *

Л. Семенову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вокруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

* * *

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Всё, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды —

До Той Звезды, которой близость
Познав, — сторицей отплачу
За всё величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

15 марта 1904

* * *

Ты оденешь меня в серебро,
И когда я умру,
Выйдет месяц — небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру.

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу — зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым лицом.
И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубенцом...

Знаю — сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной нагоде.
Но зловещий восходит угар —
К небесам, к высоте, к чистоте.

14 мая 1904

* * *

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатые десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед —
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных плащах.
Брыжжут искры и блещут кольчуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

Ставим троны иным временам —
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятенье сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: *мертвец*
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

ВЗМОРЬЕ

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднебесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаря таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издали мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

* * *

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер — нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный — у входа в сени,
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,
Испуская жалобный скрип.
В дальних залах — говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок — в конце вереницы —
Я — последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли.

Раздавлив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

15 июня 1904

* * *

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою — и карлик служит мне;
Согбенный карлик в платье черном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного — слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно — смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда — огромен бледным телом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

* * *

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храня.
На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном
взгляде
Не умел никто, Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе —
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирала руки к догорающей заре.

Осень 1904

* * *

Всё бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем концы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Всё кружится, круторогий
Месяц щурится вверху.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.
Вот — из кельи Вечной Пряжи
Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
«Всю ли ночь молились в нишах?
Всю ли ночь текли труды?»—
«Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел, Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
В ночь, когда Звезда пряла».

Сентябрь 1904

* * *

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказанных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высокó — в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людам предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904

* * *

Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.

Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними — благодатный
Несмежающийся день.

Над ее бессмертной дрёмой
Нить Свершений потекла...
Это — Третий — Незнакомый
Кротко смотрит в купола.

5 ноября 1904

* * *

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранными летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

НОЧЬ

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье дольного волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осияемая — плывет.
Красный плем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеянии,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянии —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий — половипу
Всея подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночнымц
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904

* * *

Вот — в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы — птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синее тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

1. РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья —
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что за тайну мы хранили,

Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

2. ТАК БЫЛО

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —

Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови пахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: пежданная Радость близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

5. КОРАБЛИ ИДУТ

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — создание волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...

Невидим для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий Рок:
«Ничей».

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, ты — мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,

Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

6. КОРАБЛИ ПРИШЛИ

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То — земля, о, дети страсти,
Дети бурь, — она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

7. РАССВЕТ

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте удела.

Сумерки близятся. В утренней дрёме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водоеме —
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далёко
Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть или жизнь тяготеет над морем,
Весть о победе — в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сияньи —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранних и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...

.....

16 декабря 1904

МОЕЙ МАТЕРИ

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, круженьи —
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, —
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904

* * *

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют вёсны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хмельном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...

Над ней синеет вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли — падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

*14 декабря 1904
У полотна Финл. ж. д.*

* * *

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен!»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905

* * *

Вот на тучах пожелтелых
Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнувшей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались в тучах пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.

Кто там встанет с мертвым глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?

28 мая 1905

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви
на заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой
мечты.

«Подними эту розу», — шепнула — и ветер донес
Тихину улетающих лат, бездыханный ответ.
«В синем утреннем небе найдешь Купину расцветающих
роз», —
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел, и она полетела вослед.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы,
И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит.
И она, окрылась, полетела из отчей тюрьмы —
На воздушном пути королевна полет свой стремится.

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

3 июня 1905

* * *

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец всё так же весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глуби — еще покой
С такой же старухой, как лунь, седой.

И те же нити, и те же мышцы,
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным — всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит всё тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как ночь;
Нежный, как отошедшая дочь...

«Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
Дай мне спокойно умереть».

3 июля 1905

* * *

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

Кто придет к тебе, будь он, как ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне,
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

* * *

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом — возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу — далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке всё шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над проклятым местом,
Гадает... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взвиваются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

Июль 1905

БАЛАГАНЧИК

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

М а л ь ч и к

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Д е в о ч к а

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!

Забинтован тряпичей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч!»

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Июль 1905

ПОЭТ

Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.

— Дождик, дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

— Там весна. А ты — зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, девочка, за́ море.

— А за морем есть мама?

— Нет.

— А где мама?

— Умерла.

— Что это значит?

— Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

— О чем?

— О розовом капоре.

— Так у него нет мамы?

— Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.

— А эта Дама — добрая?

— Да.

— Так зачем же она не приходит?

— Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,
Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

У МОРЯ

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
— Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

— Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

— Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

— Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

МОЕЙ МАТЕРИ

Тихо. И будет всё тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
Лик мой, как нимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

* * *

Старость мертвая бродит вокруг,
В зелених утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали — и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол —
И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность...

Всё закатное небо — в дремѣ,
Удлиняются дальние тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот — мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик — звездой падучей —
До свиданья!.. летит за корму...

Июль 1905

* * *

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где углый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.

И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распевающий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе

* * *

Не мами меня ты, воля,
 Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
 Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала
 Ты издалека,
Но меня благословляла
 Белая рука...
Я крестом касался персти,
 Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
 В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
 Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
 Празднует весну,—
И пойду путем-дорогой,
 Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
 Нищим бедняком.

Июль 1905

* * *

Оставь меня в моей дали,
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот — над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я всё тот же — у руля,
И я пою, всё так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам,— плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

* * *

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

«Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался,—
Верно, есть у тебя печальный друг?»

«Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда
не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне...»

Август 1905

* * *

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

С легким треском рассыпался веер,—
Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север.
Мне холодному — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

* * *

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

* * *

В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905

* * *

Евгению Иванову

Вот он — Христос — в цепях и розах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но лик и синее небо — одно.

Единый, светлый, немного грустный —
За ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

10 октября 1905

* * *

Так. Неизменно всё, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности, — к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной, —
Мне улыбнулся тот же брег.

И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.

10 октября 1905

* * *

Прискакала дикой степью
На вспенённом скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!»

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

«А, не хочешь! Ну, так с богом!»
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красой —
Разметавшейся у стана
Рыжей слутанной косой.

31 октября 1905

БРЕД

Я знаю, ты близкая мне...
Больному так нужен покой...
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

Так слушай, как память остра, —
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал —
Ты слышишь? Ты веришь? Ты спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот иней мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года, —
Тому не бывать никогда!..

Я твердой стопою всхожу —
О, слушай предсмертный завет!..
В последний тебе расскажу:
Я Белую Деву бужу!

Вот спит Она в облаке мглы
На темной вершине скалы,
И звонко зывают орлы,
Свои расточая хвалы...

Как странен мой траурный бред!
То — бред обнищалой души...
Ты — свет мой, единственный свет.
Другой — в этом трауре нет.

Уютны мне черные сны.
В них память свежеет моя:
В виденьях седой старины,
Бывалой, знакомой страны...

Мы были,— но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.

4 ноября 1905

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съезжился маленький труп...

Долго, бабушка, верно искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

* * *

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Сонноокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве новом,
Словно — в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали — локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Всё, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: «Будь весел.
За окном лежат снега».

13 января 1906

* * *

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем,
Что прошло,— навсегда.
Тихо молвят люди:
«Вот еще звезда».

И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

* * *

Мы подошли — и воды синие,
Как две расплеснутых стены.
И вот — вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
На дымно блещущий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.

Так — и чудесным очарованы —
Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задувай огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1--10 февраля 1906

ИВАНОВА НОЧЬ

Мы выйдем в сад с тобою, скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травую темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнет зеленым светом,—
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любуясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся — не спугну, дитя!

Но если почь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена — смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

СОЛЬВЕЙГ

Сергею Городецкому

Сольвейг прибегает на лыжах.

Ибсен. «Пер Гюнт»

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь
радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой
сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

* * *

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарею алой сочетал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.

Так, — не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.

Тютчев

Прошли года, но ты — всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий, сторбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те *баснословные года...*

Их светлый пепел — в длинной урне.
Наш светлый дух — в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что пад нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у мепя...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколение рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмест никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

* * *

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом — метанье огня,
И в каждом — печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я — царь над собой,
Со мною — да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого полюблю.

Сентябрь 1906

* * *

Шлейф, забрызганный звездами,
Сирий, синий, сирий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженьи вечном,
Вся — в шелках тугих —
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душевные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты — рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — утлое жильё,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Всёт ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

* * *

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась всё печальней
Ее сиделка — тишина.

Но счастье было безначальной,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокую меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрёму, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки — тишины...

Мгновенье — в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьём длинным
По ступеням — встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задыхалась тишина,

И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...

И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка — тишина...

Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

УГАР

Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы — рабы.

Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Поиграем и потешим —
Будет маленьким царем,
Царь повырастет потом...

Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает, —
Видит красный свет костра:
На костер идти пора!

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем — венец царей...

Пойте стройную стихиру:
Царь отходит почивать!
Песня носится по миру —
Будут ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать.

Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели —
Сизый стелется дымок,
Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

ТИШИНА ЦВЕТЕТ

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был вам намеком
И несказанным — каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

* * *

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнушь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву — прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну».

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906

* * *

Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшёной,
И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики дарить.

И потому — ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.

Октябрь 1906

* * *

Ищу огней — огней попутных
В твой черный, ведовской предел.
Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда — простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес верхушкой ели
Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Всё о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душистых зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ

Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился — зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

А над болотом — проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, —
Месяц будет вам — красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

7 ноября 1906

* * *

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоём.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ты дремлешь, боже, на иконе,
В дыму камильниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я — сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, как дым кадила,
Она — туманная весна.

И мы под сводом веём, веём,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деём
И Мэри светлую поём.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вокруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ноябрь 1906

* * *

В синем небе, в темной глубине
Над собором — тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она.

Удивленными глазами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны.

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой — далече
В синих улицах — весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховейная весна!

Ноябрь 1906

БАЛАГАН

Ну, старая кляча, пойдем
ломать своего Шекспира!

Ким

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Колумбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

* * *

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги между.

Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

* * *

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибоем,
С отуманенною далью —

Мы одни, с великим горем,
Седины свои закроем
Белым саваном — печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
Будет старая тоска.

И, в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, —

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

* * *

Сóльвейг! О, Сóльвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха — сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

* * *

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906

УСТАЛОСТЬ

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь среди долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: *смерть*.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

* * *

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключат очи.
И буду ждать я с лицом воздетым,

Я буду мертвый — с лицом подъятым.
Придет, кто больше на свете любит:
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют, — уйдут беспокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

18 марта 1907

* * *

Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.

Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.

Что быть должно — то быть должно,
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот — я стал поэт.

Влюбленность расцвела в кудрях,
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.

И всё, *как быть должно*, пошло:
Любовь, стихи, тоска;
Всё приняла в свое русло
Спокойная река.

Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: *Бог с тобой*.

В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: «Вот, река идет».
И я пошел вперед.

В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та — незнакомая — пришла
И встала на мосту.

Она была — живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.

И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.

«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка».

Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?

12 апреля 1907

* * *

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весною ясней и певучей
Таинства белых ночей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле, — и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

Смехом волнуемый черным и громким,
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло,
Душит красавица ночь...
Краски последние смыла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь...

Ласки мои неумелы и грубы.
Ты же — нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

ДЕВУШКЕ

Ты перед ним — что стебель гибкий,
Он пред тобой — что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успеешь — в горнице немилрой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

* * *

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

* * *

Всюду ясность божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь всё,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротись
В самый ясный свет.

3 октября 1907

* * *

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полно́чи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи.
И черными змея́ми
Распуталась коса.

И змеи окружили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

8 ноября 1907

* * *

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы, —
Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человеческой,
Едва не оттеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...

Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Февраль 1908

* * *

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался — ты сидела,
Я подошел — ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье — нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

ГОРОД

(1904—1908)

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безднежно догорели свечи,
Опльввший огарок маячил в опльввших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал
пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки,
бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Вербa, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег.

В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница — от ложа пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь...

Высоко — над домами — в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полуночных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904

ПЕТР

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских —
струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

Облаки ночи 1907 5
II Петербургская поэма.

Посвящается Е П ИВАНОВУ

Мой твою блюсти будеть павь,
и твѣ блюсти будещи егъ павь.

БЫТІА. Г. ЕІ.

1. Петра
~~Слава~~ ~~Городу~~ ~~Петру~~ ~~Городу~~

Она снѣгъ
А пока, пока закаты ру мѣкнъ
И соню ~~дѣла~~ ~~тронуть~~ ~~розовѣтъ~~
Пока Петра ~~вечеромъ~~ ~~павь~~.
Пока ~~и соню~~ ~~вечеромъ~~ ~~павь~~
и со тихимъ свѣтомъ свѣтъ туманъ
Ночью ~~павь~~ ~~каждо~~ ~~звѣствѣ~~
Звѣтъ Звѣтъ, кончалъ ~~кончалъ~~ ~~самавѣ~~.
~~Павь~~ Соидуть елика вечера,
Но ~~кончалъ~~ ~~павь~~ ~~и до утра~~
~~Звѣтъ~~ Звѣтъ, ~~павь~~ ~~каждо~~ ~~павь~~
Во руцѣ протѣнутой Петра
Заплещетъ ~~ураевное~~ ~~павь~~.

Пропустъ и я ~~во павь~~ ~~царя~~
~~Звѣтъ~~ проклятье ~~завѣтъ~~ ~~павь~~
Видеутъ

ПОЕДИНОК

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко вест над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льпет к деннице,
Несказанней вечера.

И зарей — очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном племе голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый — черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздолбный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

ОБМАН

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженье.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель
старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

.

Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки — трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутясь, песутся по течению,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновение —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись, — и струйки шепчут невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

* * *

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных почках.

Оловянные кровли —
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

* * *

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

28 июня 1904

* * *

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг — влюблен в луну — живет
ее обманом.
Вот — третий на пути. О, милый друг мой,
ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Всё пусто — здесь и там — под зноем
неустанным.
Заборы — как гроба. В канавах прет гниль.
Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер — спит
ваш близкий...»
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904

ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился потями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный, пылающий бич.

Вот — на гряде горячих камней
Распростерта не смеющая пасть...
Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...

Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..

Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла —
Хвала!

27 августа 1904

* * *

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег иступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

10 сентября 1904

* * *

В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней кассе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заёмный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе — вещь сбилла,
Облачась в убор нескромный,
Черный веер распустила,
Черным шелком отенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти — взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

* * *

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел прыгнул — и на светлой
черте

Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

* * *

День поблек, изящный и невинный.
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

* * *

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были дари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху — на уступе опасном —
Тихо съежившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык,

Декабрь 1904

* * *

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

* * *

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенья купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города — зимнего холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.

О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Всё тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

Январь 1905

ПОВЕСТЬ

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно проносили
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал луч фонарь.
И в дождливой сети — не белой, не черной —
Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — нежданно резко — раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой — кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный —
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком иступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упорно-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних этажах...
И нашел — и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу — в глазах открытых — сила умерла...

Умерла — и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон.
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

* * *

Иду — и всё мимолетно.
Вечереет — и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в по́дворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей...
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно еще...
И — внезапно — тенью гадательной —
Вольная дева в огненном плаще!..

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмет
В змеином лóговище.

9 марта 1905

ПЕСЕНКА

Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон — тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе — бездумность и беспечность!
Там — вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...

Глаза горят, как две свечи.
О чем она тоскует звонко?
Пойдем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

ЛЕГЕНДА

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли? —
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было — две.

Но Третий за ними — за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.
Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и синее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... «Ты слышишь? — сказала. —
О, как страшно, подруга... быть с тобой».

И была эта девушка в белом... в белом,
А другая — в черном... Твоя ли дочь?
И одна — дрожала слабеньким телом,
А другая — смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, господи? Сжался! О, сжался!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались...
Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог,
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,
И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток — в красной пачке
кредиток,
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль —
И кругом стало душно... А в полях однозвучно
Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль.

В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Соделай, чтобы твердь стала легче!
Отврати твой разящий и карающий меч!

И откликнулось небо: среди пыли и давки
Появился архангел с убеленной рукой:
Всем казалось — он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был он — перепачкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.
Под дождем умолкала песня дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангел белую девушку в дом свой унес.

15 апреля 1905

* * *

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье — топор. В мечте — герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905

НЕВИДИМКА

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дома,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воеет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечереющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зарп
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отворенной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.

16 апреля 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеял.

И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головы.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звопы стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Введенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетающий,
И радость — без конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

* * *

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на дóмах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

* * *

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном * не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, аля над водной бездной,
Пусть он угрюмой опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

18 октября 1905

* Статуя на кровле Зимнего дворца.

* * *

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застылающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНИЕ

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними — девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Что я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой милый...
Перстень-Страдание нам свяжет сердца.

Что я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать...
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страдание тебе сковать».

30 октября 1905

СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлеб!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать,

10 ноября 1905

* * *

Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор,

Что пили ночь и забвенье,
Но день их опалил...
Как страшно мирное жилье
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость — я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блистательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

Январь 1906

* * *

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных тѣнях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.

Март 1906

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирён и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»* кричат.

* «Истина в вине!» (лат.). — *Ред.*

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только спится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906. Озерки

* * *

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вдыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что́ делать мне с тобой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

Апрель 1906 — 28 апреля 1911

* * *

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом.
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальной толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Всё, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная работа,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Всё, всё по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как зашил я!

Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

* * *

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться
сердце

Тихую радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906

* * *

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
Всё рассказывают звезды.

Октябрь 1906

* * *

Я в четырех стенах — убитый
Земной заботой и нуждой.
А в небе — золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, — она довольна
И благодарна за наряд.

Она — такой же голубою
Могла бы стать, как в небе — ты,
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.

Но и в стенах — моя отрада
Лазурию твоей гореть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...

И в бледном небе — тихим дымом
Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

ОКНА ВО ДВОР

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забытые в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь — пройдешь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

* * *

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмутив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое блее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

ПОЖАР

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
Тблпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди — скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?..
Чьи зывают голоса?..

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906

* * *

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, —

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах—
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

* * *

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огольки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все — в урочный час.

Декабрь 1906

НА ЧЕРДАКЕ

Что́ на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веср
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я прах». —

«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?»

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колыхается едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смех».

16 декабря 1907

НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНЬЕ

Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого — ушла.
Нету милого — одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

«Как он в губы целовал...
Как невестой называл...»

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружкой?..

Белый саван — снежный плат.
А под платом — голова...
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд...
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...

Выйди, выйди из ворот...
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай...

Приподынешь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рог.

Февраль 1908. Ревель

СНЕЖНАЯ МАСКА

(1907)

Посвящается Н. Н. В.

С Н Е Г А

СНЕЖНОЕ ВИНО

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вокруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Змеешься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидеть себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

Снежная мгла взвилась.
Легли сугробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты — стихов моих пленная вязь.

И, тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь — электрический свет.
Там — пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь всё той же пленной душой
В купол всё тот же — звездный...

И смотришь в печали,
И снег синей...

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, —

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.

И ты молчишь.

И в душе твоей безнадежной

Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы среброснежной!

Я читаю вас наизусть.

3 января 1907

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В снежной пене — предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснеженный
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января 1907

НА СТРАЖЕ

Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он — простерт над бездной водной
С поднятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января 1907

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет — Смерть.

3 января 1907

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЮ

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какпе-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет...
Как быстро — так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,
За ней другая...

И звезда за звездой
 Понеслась,
 Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет — заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января 1907

НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ

Белоснежней не было зим
И перистой тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым.
Умирали звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января 1907

ЕЕ ПЕСНИ

Не в земной темнице душевной
Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

КРЫЛЬЯ

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дольные покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дольные, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

Сны метели светлосмейной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января 1907

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: «Навеки. Опусты глаза твои».
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали — пролетевшие
ладьи.

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча — два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января 1907

НЕ НАДО

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежносинем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Ныряя в ледяных струях.

И нет моей завидней доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января 1907

ТРЕВОГА

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайнными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

4 января 1907

ПРОЧЬ!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

«Кто ты? Кто ты?
Скован дрёмой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы — целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!»

— Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лёт ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Черных дней.

И струит мое веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января 1907

И ОПЯТЬ СНЕГА

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.

И в полях гуляет смерть —
Снеговой трубач...

И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
 И опять глядится смерть
 С беззакатных звезд...

8 января 1907

ГОЛОСА

(Двое проносятся в сфере метелей)

О н

Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
Рукою, поднятой к тучам,
Ты влечешь меня к безднам!

О н а

О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столетия мнут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

О н

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

О н а

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты — в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

О н

Сердце — громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

О н а

Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

О н

Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!

О н а

Внимай! Внимай! Я — ветер встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной!

О н

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!

О н а

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод, —
Расстанься с дольсю жизнью!

О п

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?

(Вьюга вздымает белый крест)

8 января 1907

В СНЕГАХ

И я затаянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
 О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
 Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
 Мне.

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января 1907

М А С К И

ПОД МАСКАМИ

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января 1907

БЛЕДНЫЕ СКАЗАНИЯ

- Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!
- Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:
— Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вокруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска — маске скромной...
Третья — смущена...

И еще темней — на темной
Завесе окна
Темный рыцарь — только мнится...

И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
— Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.

И она внимает в маске.
И за ними — тихий танец
Отдаленных встреч...

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними — тихий танец
Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
Золотится
Луч, протянутый от сердца —
Тонкий цепкий шнур.

И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.

9 января 1907

СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

В длинной сказке
Тайно кроясь,
Бьет условный час.

В темной маске
Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальней покрывала,
Тоньше стана нет...

— Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!

— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.

9 января 1907

В УГЛУ ДИВАНА

Но в камине дозвещели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на вьюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солища
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Странных очерки видений
На стене.

И любой колени склопит
 Пред тобой...

И любой цветок уронит
 Голубой...

9 января 1907

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января 1907

НАСМЕШНИЦА

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что ты?
Это — сны твоей дремоты...
Что ты хочешь услышать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».

10 января 1907

ОНИ ЧИТАЮТ СТИХИ

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? — Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах — сказки,
А в жизни — только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою — ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой
И маской не дразни меня,
И в темной памяти не трогай
Иного — страшного — огня.

10 января 1907

НЕИЗБЕЖНОЕ

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит,
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...

И под маской — так спокойно
Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января 1907

ЗДЕСЬ И ТАМ

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Кóней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
 По бурьянам,
И снопами мчались искры
 По туманам, —
Ветер масок не догнал,
И с высот серебровозвездных
 Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
 Обозначились две тени,
 Улетающие в дали
 Незнакомой стороны...

Странных очерки видений
В черных масках танцевали —
 Были влюблены.

13 января 1907

СМЯТЕНИЕ

Мы ли — пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января 1907

ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой ипой обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января 1907

НЕТ ИСХОДА

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!

И приветно глядят на меня:
«Восстань из мертвых!»

13 января 1907

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

Свергни, последняя игла,
В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!

Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января 1907

НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят почи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры — пряжи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была герна три ночи,
Завивалась и звала,

Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января 1907

ФАИНА

(1906—1908)

* * *

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромен дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906

* * *

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас ramпы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот — опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

* * *

Н. П. В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроюсь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

* * *

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоём — безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозowych.

И, миру дольному подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

31 марта 1907

* * *

За холмом отзвенели упругие латы,
И копье потерялось во мгле.
Не сияет и шлем — золотой и пернатый —
Всё, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
Обольют меня тучами стрел.

Если близкое утро пророчит мне гибель,
Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на горном изгибе
Лик твой молнийный гневом горит!

Воротясь, тыставишь копьё полуночи
Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в змеиных кудрях твои очи,
Я услышу твой голос: «Забудь».

Надо мною ты в синем своем покрывале,
С исцеляющим жалом — змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знали,
Под неверным мерцаньем копья!

2 апреля 1907

* * *

Моей матери

Я посадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

«Сын, милый, где ты?» — Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,
И снова кличет: «Сын мой! Где ты?»,
Цветов стараясь не измять...

Всё тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

* * *

В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Черноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?

Разлюбил тебя и бросил,
Знаю — взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?

25 июля 1907

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.

Но в темном плаще не узнают,
Что ты шивала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

* * *

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались как чужие,
Забыв, что есть простое *ты*.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим мера,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить — и укротить.

И чуждый — чуждой жал оп руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.

10 октября 1907

СНЕЖНАЯ ДЕВА

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стал, —
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1907

* * *

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,

В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прынет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звенят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свету,
И вьется шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с повым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, —

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца — чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, —
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь — буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас, —
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне.

Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,

С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Приявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня,
Река — прозрачное стекло,
И только — нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огневым,
О, милая моя!

26 октября 1907

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользящей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багрянницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

23 октября 1907

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразнишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно,
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным.
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках платья
Мое безумное лицо...

Лишь утром вбронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что́ быть бесстрастным? Что́ — крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой — в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке — магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем — сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне спятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце — летящая птица...
Что в сердце — щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали корридоров
Не опа ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

Сердце — легкая птица забвенный
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит, наверное, темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,

Истومي ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится —
То вдали закружилась она —
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!

Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

8

О, что мне закатный румянец,
Что злые тревоги разлук?
Всё в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А всё пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки — холодная весть...
Души моей топкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей — страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схимник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,
Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...

Ты виденем, в пляске нежной,
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Всё, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропою зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стап твой гибкий
Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружит...
Всё — виденья, всё — измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...

Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
Смерти нет!
В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле —
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос — внятный.
Ты понеслась
Опять по кругу,

Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом
Ты дразнишь и мánишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И — вольная Русь?

И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убегает, вскрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть, —
Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...

И странным сияньем сияют черты...
Удáлая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...
Гармоника — ты?

1 ноября 1907

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,

Цветам всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница — повыше
Других молодниц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

11

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твоё
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

ИНОК

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям — брат примерный,
И рясу черную несу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На яром пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот — меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

ПЕСНЯ ФАИНЫ

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!

Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!

Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

Декабрь 1907

* * *

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь — какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка...»

Я тоже — здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сырой дух — твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что́ жизни сон глухой?
Отрава — вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что́ людям дам, что́ ты дала мне,
А люди — на могильном камне
Начертят прозвище: *Поэт*.

13 января 1908

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах
и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо

Больше, чем рифмованные
и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

* * *

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к запятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбэта».

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить
без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло
и Франчески.

6 февраля 1908

* * *

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось ...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И всё равно, чей вздох, чей шопот, —
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклинаю каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная тень...*

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(1907)

(Поэс. Г. Чулкову)

О СМЕРТИ

Всё чаще я по городу брожу.
Всё чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на горах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенёк,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому столбу.

Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремяна.
А за листвою кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И углые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песку,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязным платьем — ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой — кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,

Втащили на́ берег и положили.
Городовой, гремя о камни пашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался́ народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!

Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

НАД ОЗЕРОМ

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый —
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый шум,
Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,

В широкой шляпе, средь почных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный
в мир.

Но пекому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру — красавице — ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющимся задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штанов!
Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далёко, так далёко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!.. — И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..

А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за sklepa...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишкaмп, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий...
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И ош
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!

И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» — я кричу...
И голосом красавицы — леса
Прибрежные отвечают мне: «Здравствуй!»
Кричу: «Прощай!» — они кричат: «Прощай!»
Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Ночь белая, и бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свистит
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белает утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле:
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.

Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...»

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневe мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Диодор

Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божьи дела», —
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далёко
Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий Вольный остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и спол лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вежи,
Метелками фарватер оградив,
И далекó — от вежи и до вежи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»

И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами...
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

В ДЮНАХ

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Наеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду — и запою».

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвое, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут поги,
Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» — И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

Дюны

Июнь—июль 1907

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ
(1904—1908)**

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА

(*Bad Nauheim. 1897—1903*)

1

Я видел огненные знаки
Чудес, рожденных на заре.
Я вышел — пламенные маки
Сложить на горном алтаре.
Со мною утро в дымных ризах
Кадило в голубую твердь,
И на уступах, на карнизах
Бездымно испарялась смерть.
Дремали розовые башни,
Курились росы в вышине.
Какой-то призрак — сон вчерашний —
Кривлялся в голубом окне.
Еще мерцал вечерний хаос —
Восторг, достигший торжества, —
Но всё, что в пурпур облакалось,
Шептало белые слова.
И жизнь казалась смутной тайной...
Что в утре раннем, полном сна,
Я вскрыл, мудрец необычайный,
Чья усмехнулась глубина?

Там, на горах, белели виллы,
 Алели розы в цепком сне.
 И тайна смутно нисходила
 Чертой, в горах неясной мне.
 О, как в горах был воздух кроток!
 Из парка бешено зывал
 И спорил с грохотом пролеток
 Веками стиснутый хорал.
 Там — к исцеляющим истокам
 Увечных кресла повлеклись,
 Там — в парке, на лугу широком,
 Захлопал мяч и lawn-tennis;*
 Там — нить железная гудела,
 И поезда вверху, впизу
 Вонзали пламенное тело
 В расплавленную бирюзу.
 И в двери, в окна пыльных зданий
 Брывался крик продавщика
 Гвоздик и лилий, роз и тканей,
 И cartes postales, и kodak'a.**

3

Я понял; шествие открыто, —
 Узор явлений стал знаком.
 Но было смутно, было слито,
 Терялось в небе голубом.
 Она сходила в час веселый
 На городскую суету.
 И тихо возгорались доли,
 Приемля горную мечту...
 И в диком треске, в зыбком гуле
 День уползал, как сонный змей...
 Там счастью в очи не взглянули
 Миллионы сумрачных людей.

* Лаун-теннис (англ.). — *Ред.*

** *Cartes postales* (франц.) — почтовые открытки; *Kodak* — марка фотографических аппаратов. — *Ред.*

Ее огнем, ее Вечерней
 Один дышал я на горе,
 А город грохотал безмерней
 На возрастающей заре.
 Я шел свободный, утоленный...
 А день в померкшей синеве
 Еще вздыхал, замороженный,
 И рбсы прятались в траве.
 Они сверкнут завтра снова,
 И встанет Горная — средь роз,
 У склона дымно-голубого,
 В сияньи золотых волос...

8—12 мая 1904

* * *

Полон визга веретен
 Двор, открытый лунным блескам,
 Проплываю вдоль окбн
 С тихим плеском.

Разметавшись, спит она
 В голубом чаду алькова.
 Ночь пьяна, рука сильна,
 Лодка быстрая готова.

Июнь 1904

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Ты открывал окно. Туман
 Гасил свечу.
 Я был в ту ночь от счастья пьян,
 И я молчу.
 О, я не мог тебе помочь!
 Я пел мой стих...

И снова сон, и снова ночь,
Но сны — черней твоих.
Но где же ложь? Один обман
Мой факел задувал,
Когда ты пил ночной туман,
Когда я ликовал.

Лето 1904

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спят луга, спят леса,
Пала божия роса,

В небе звездочки горят,
В речке струйки говорят,

К нам в окно луна глядит,
Малым детям спать велит:

«Спите, спите, поздний час,
Завтра брат разбудит вас.

Братний в золоте кафтан,
В серебре мой сарафан,

Встречу брата и пойду,
Спрячусь в божием саду,

А под вечер брат уснет
И меня гулять пошлет.

Сладкий сон вам пошлю,
Тихой сказкой усыплю,

Сказку сонную скажу,
Как детей сторожу...

Спите, спите, спать пора.
Детям спится до утра...»

25 сентября 1904

* * *

Веселимся, кру́жимся,
Хороводом тешимся —

Мальчики да девочки —
Ясные звездочки.

Красное солнце!
Глянь-ка в оконце!

А в оконце — глянь-ка,
Мамка да нянька!

Белая хатка,
Смуглая солдатка!

Старшая сестрица,
Дай-ка нам водицы!

Эй вы, ребятки,
Врозь во все лопатки!
Скидавайте шапки.

Осень 1904

* * *

Мы в круге млечного пути,
Земные замерли мечты.
Мы можем в высь перенести
Свои надежды — я и ты.

Еще прозрачней станешь ты,
Еще бессмертней стану я.
Залог кружащейся мечты —
Душа последняя моя.

Осень 1904

ВОЙНА

Вот поднялась. В железных лапах
Визжит кровавой смерти весть.
В горах, в долинах, на этапах
Щетиной заметалась месть.

Не в силах мстительная гордость
Противостать тому кольцу,
Чьи равнодушие и твердость
Встречают смерть лицом к лицу.

И вот в парáх и тучах тучных,
Гремя вблизи, свистя вдали,
Она краями крыльев звучных
Пускает кó дну корабли.

Но в воплях исполинской бури,
В мечте бойца, в его крови,
Одушевательница фурий —
Она вздыхает о Любви.

28 мая 1905

ПОДРАЖАНИЕ

Сновидец в розовой дремé
Ты — опрокинутый над бездной —
И долу грезой бесполезной
Поникший кормщик на корме.
Так двойники — свершений нить —
Во мраке дня, тоскуя, рыщут,
И двое — бесполезно ищут
Друг друга в Третьем воплотить.

7 июля 1905

* * *

По зеленым обрывам
Я искал мое чудо.
Раскалялись туманы,
Поднимались красные пыли,
Зацветали колосья,
Долетали пестрые звуки.

Но один услышав звук,
Становился над обрывом.
Ветер меч мой колыхал,
И позванивали латы.

И стоял я мертволик,
Слушая, дивясь:
Угадать бы, услышать бы
И в пути не умереть.

Лето 1905

* * *

Ночью пыльной легла
Девушка в белый гроб.
Ночью встала белая мгла,
Никто не расслышал слов.

В словах шелестела муть,
На словах почивала сонь.
Только призраком белый конь
Мог в тумане гривой взмахнуть.

И означился в небе раствóренном
Проходящий шагом ускоренным
В голубом, голубом,
Закрыто лицо щитом.

Тогда кто-то встал за столом
И сказал: «Самовар!»

Принесли паровое золото,
Расставили белые чашки
И стали хлебать и гордиться.

Лето 1905

* * *

Я сойду и намечу
Мой вечерний путь.
Выходи навстречу —
В высоте отдохнуть.

Полюби мои зори —
Знак моей любви.
И в свободное море
Навсегда плыви.

Я сойду и раскину
Заревой небосклон,
Я тебя отодвину
Навсегда в мой сон.

Так и будешь реять
В догорающем дне,
Так и будешь веять
В тишине.

Осень 1905

* * *

Всё так же бродим по земле —
Ты — ангел, спящий непробудно,
А я — незнающий и скудный.
В твоём завернутый крыле.

Слепец ведет с собой слепца,
Но чаще вокруг мелькают стрелы,
И я рукой оторопелой
Храню взаимные сердца.

Но, если ангел-лебедь никнет,
Что́ я могу в его крыле?
Стрела отыщет и проникнет
И пригнетет к родной земле.

Но будем вместе. Лебедь сонный
И я — поверженный за ним —
Как дым кадильный, благовонный,
К началам взнесшийся своим.

17 октября 1905

* * *

Лишь заискрится бархат небесный
И дневные крики замрут,
Выхожу я улицей тесной
На сверкающий льдистый пруд.

Лишь заслышу издали скрипки
И коньков скрежещущий ход,
Не сдержу веселой улыбки
И сбегу на серебряный лед.

Там среди толпы беспокойной
Различу я твой силуэт,
Очертанья фигуры стройной
И широкий белый берет.

Буду слушать скрипок аккорды
Под морозный говор и крик
И, любуясь на профиль гордый,
Позабудусь на миг, на миг.

Я уйду, очарованный взглядом,
И, не раз обернувшись вслед,
Посмотрю, возвращаясь садом,
Не мелькнет ли белый берет?

1905

* * *

Безрадостна бывает грусть,
Как тополь, в синеву смотрящий.
О, да, я знаю наизусть
Ее туман непреходящий.

1905

* * *

Свободны дали. Небо открыто.
Смотрите на нас, планеты,
Как наше веселое знамя развито,
Вкруг каждого лика — круг из света.

Нам должно точить такие косы,
Такие плуги,
Чтоб уронить все слезные росы,
Чтоб с кровью вскрыть земляные глубы.

Друзья! Над нами лето, взгляните —
Безоблачен день, беззакатно светел.
И солнце стоит высоко — в зените,
И утро пропел давно уже петел.

Мы все, как дети, слепнем от света,
И сердце встало в избытке счастья.
О, нет, не темница наша планета;
Она, как солнце, горит от страсти!

И Дева-Свобода в дали несказанной
Открылась всем — не одним пророкам!
Так все мы — равные дети вселенной,
Любовники Счастья...

1905

УЧИТЕЛЬ

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок.
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит, —
Верно, устал от работы:
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идет и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

1—10 февраля 1906

ВЕТХАЯ ИЗБУШКА

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...

В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят, —
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна, —
Ан, уж дом растаял,
На дворе — весна!

1—10 февраля 1906

СНЕГ ДА СНЕГ

Снег да снег. Всю избу́ занесло,
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только черные, черные стены...

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.

Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюде;
Вон и бабушка с печки сползла,
И кругом ребятишки смеются.

Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятками кошка...
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в лукошко...

Прочь от дома на снежный простор
На салазках они покатали.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза, —
Вот возьмет, вот ухватит в охапку!

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

1—10 февраля 1906

ЗАЙЧИК

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На желтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На́ небо косится —
Неба не видеть...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать!

1906

ДЕВЕ-РЕВОЛЮЦИИ

О, Дева, иду за тобой —
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

19 августа 1906
Малиновая гора

Маска открыла блестящие зубы
И скрыла черты.
Улыбаются алые губы.
Это ты, иль не ты?

Маска! Откройся!

Я другую за тонкую талию
Обнимаю и мчусь по блистательным залам,
Ослепленный сверкающим балом...
Ты бежишь от меня, пропадая за далью.

И горят миллионами свечи.
Ты с другим в ослепительной паре
Предо мною несешься — куда?
О, все женщины помнят о встрече
На вечернем троттуаре,
Не забудут ее никогда.

Ты явилась тогда на вечернем троттуаре.
Продавалась ли ты?
Кто тогда, восхищенный, провидел
За густою вуалью иные черты?
Кто тебя, как блудницу, обидел?
Кто до звездной тебя возносил высоты?

Или кто-нибудь жалкий и слабый
Только женщину понял в тебе?
Но ведь ты засмеяться могла бы,
Ты могла не склониться к мольбе,
Ты звездою над нами взошла бы.

Но даешь ты себя обнимать,
И какие-то слушаешь речи!
И смеяться ты можешь и можешь плясать,
Затмевая бриллиантами свечи!
Но ты можешь меня не узнать,
И забыть о встрече!

Осень 1906

* * *

Как наши окна были близко!
Я наблюдал, когда она,
Задумчивая, в кресле низком,
Смотрела в небо из окна,

Когда молилась иль грустила,
Была тиха иль весела, —
Всё предо мною проходило,
И жизнь моя была светла.

И что теперь! Из тучи душевной
На небесах забил набат,
И в окнах девушки воздушной
Запрыгал, заметался град.

И я услышал голос шумный
И, подойдя к окну, внимал
И голос воли безраздумной
В весенней песне угадал.

1906

* * *

Ты с вершин печальных гор
К нам сошла пропеть и сгинуть
И опять с вершины кинуть
Искрометный свой костер.

Так пройди же в пляске быстрой,
Радость, горняя гроза!
Чтобы искра вслед за искрой
Сожигала нам глаза!

1906

РОЖДЕСТВО

Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работали не даром,
Будет светел отдых.

Серебрится легкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей
Ясной тверди звезды.

Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!
Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локоп!

Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеешься — вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.

Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подвигается, улыбнется,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

И пойдешь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звезды и хлопушки...

Сестры будут куклам рады,
Братья просят пушек,

А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!

7 ноября 1906

* * *

Серебристым, снежным хмелем
Опьяню и опьянюсь:
Сердцем, преданным метелям,
К высям неба унесусь.

В далях снежных веют крылья, —
Слышу, слышу белый зов;
В вихре звездном, без усилия
Сброшу звенья всех оков.

Опьянись же светлым хмелем,
Снежноокиим будь и Ты...
Ах, потерял счет неделям
В вихре белой красоты!

1906—1907

* * *

Отдавшись снежной вьюге,
Тону в твоих глазах;
В холодном, звездном круге
Мы стынем в белых снах.

В крылатой колыбели
Засни среди снегов;
Пойми напев метели
В строках моих стихов.

Пойми всю силу зова
Победных зимних дней, —
Предайся вьюге снова,
Истаяв сердцем в ней!

1906—1907

* * *

Вот река полноводнее
Тянет белые льды.
Дышит лето господнее
От холодной воды.

Я с мятежными думами
Да с душою хмельной
Полон вешними шумами,
Залит синей водой.

И смотрю, торжествующий,
В ледоходную даль...

Весна 1907

НЕНУЖНАЯ ВЕСНА

1

Отсеребрилась, отзвучала...
И вот из-за домов, пьяна,
В пустую комнату стучала
Ненужно ранняя весна.

Она сера и неумыта,
Она развратна до конца,
Как свиньи тычатыся в корыто,
Храпит у моего крыльца.

И над неубранной постелью
Склонилась, давит мне на грудь,
И в сердце, смятое метелью,
Бесстыдно хочет заглянуть.

Ну, что же! Стисну зубы, встречу,
И, выбрав хитрый, ясный миг,
Ее заклятем изувечу
И вырву пожелтый клык!

Пускай трясет визгливым рылом:
Зачем непрошеной вошла,
Куда и солнце не входило,
Где ночь метельная текла!

2

В глазах ненужный день так ярок,
Но в сердце — неотлучно ночь.
За красоту мою в подарок
Старуха привела мне дочь.

«Вот, проводи с ней дни и ночи:
Смотри, она стройна, как та.

Она исполнит всё, что хочешь:
Она бесстыдна и проста».

Смотрю. Мой взор — слепой и зоркий:
«Она красива, дочь твоя.
Вот, погоди до Красной Горки:
Тогда с ней повенчаюсь я».

3

Зима прошла. Я болен.
Я вновь в углу, среди книг.
Он, кажется, доволен,
Досужий мой двойник.

Да мне-то нет досуга
Болтать про всякий вздор.
Мы поняли друг друга?
Ну, двери на запор.

Мне гости надоели.
Скажите, что грушу.
А впрочем, на неделе —
Лишь одного впушу:

Того, кто от занятий
Утратил цвет лица,
И умер от заклятий
Волшебного кольца.

18 марта 1907

* * *

В темной комнате ты обещена,
Светлой улице ты предана,
Ты идешь, красивая женщина,
Ты пьяна!

Шлейф ползет за тобой и треплется,
Как змея, умирая в пыли...
Видишь ты: в нем жизнь еще теплится!
Запыли!

12 апреля 1907

* * *

Ты пробуждалась утром рано
И покидала милый дом.
И долго, долго из тумана
Копье мерцало за холмом.

А я, чуть отрок, слушал толки
Про силу дивную твою,
И шевелил мечей осколки,
Тобой разбросанных в бою.

Довольно жить в разлуке прежней —
Не выйдешь из дому с утра.
Я всё влюбленней и мятежней
Смотрю в глаза твои, сестра!

Учи меня дневному бою —
Уже не прежний отрок я,
И миру тесному открою
Полет свободного копья!

Апрель (?) 1907

* * *

И мы подыдем их на вилы,
Мы в петлях раскачем тела,
Чтоб лопнули на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла,

3 (?) июня 1907

Сырое лето. Я лежу
 В постели — болен. Что-то подступает
 Горячее и жгучее в груди.
 А на усадьбе, в тѣнях светлой ночи,
 Собаки с лаем носятся вкруг дома.
 И меж своих — я сам не свой. Меж кровных
 Бескровен — и не знаю чувств родства.
 И люди опостылели немногим
 Лишь меньше, чем убитый мной комар.
 И свечкою давно озарено
 То место в книжке, где профессор скучный,
 Как ноющий комар, — поет мне в уши,
 Что женщина у нас угнетена
 И потому сходна судьбой с рабочим.
 Постой-ка! Вот портрет: седой профессор —
 Прилизанный, умытый, тридцать пять
 Изданий книги выпустивший! Стой!
 Ты говоришь, что угнетен рабочий?
 Постой: весной я видел смельчака,
 Рабочего, который смело на смерть
 Пойдет, и с ним — друзья. И горы замолчат,
 И останятся работы разом
 На фабриках. И жирный фабрикант
 Поклонится рабочим в ноги. Стой!
 Ты говоришь, что женщина — раба?
 Я знаю женщину. В ее душе
 Был сноп огня. В походке — ветер.
 В глазах — два моря скорби и страстей.
 И вся она была из легкой персти —
 Дрожащая и гибкая. Так вот,
 Профессор, четырех стихий союз
 Был в ней одной. Она могла убить —
 Могла и воскресить. А ну-ка, ты
 Убей, да воскреси потом! Не можешь?
 А женщина с рабочим могут.

20 июня 1907

ПЕСЕЛЬНИК

Там за лесом двадцать девок
Расцветало краше дня.

Сергей Городецкий

Я — песельник. Я девок вывожу
В широкий хоровод. Я с ветром ворожу.
Я голосом тот край, где синь туман, бужу,
Я песню длинную прилежно вывожу.

Ой, дальний край! Ты — мой! Ой, косыньку развей!
Ой, девка, заводи в глухую топь весной!
Эй, девка, собирай лесной туман косой!
Эй, песня, веселей! Эй, сарафан, алей!

Легла к земле косой, туманится росой...
Яр темных щек загар, что твой лесной пожар...
И встала мне женой... Ой, синь туман, ты — мой!
Ал сарафан — пожар, что девичий загар!

24 июня 1907

* * *

Везде — над лесом и над пашней,
И на земле, и на воде —
Такою близкой и вчерашней
Ты мне являешься — везде.

Твой стан под душной летней тучей,
Твой стан, закутанный в меха,
Всегда пою — всегда певучий,
Клубясь туманами стиха.

И через годы, через воды,
И на кресте и во хмелю,
Тебя, Дитя моей свободы,
Подруга Светлая, люблю.

8 июля 1907

* * *

Меня пытали в старой верс.
В кровавый прѳбсвет колеса
Гляжу на вас. Чтѳ взяли, звери?
Чтѳ встали дыбом волоса?

Глаза уж не глядят — клоками
Кровавой кожи я покрыт.
Но за ослепшими глазами
На вас *иное* поглядит.

27 октября 1907

* * *

Ходит, бродит, колобродит
Старый дед — сердечный хмель.

В прялке — вечная кудель,
Прялка песенку заводит.

27 октября 1907

* * *

Стучится тихо. Потом погромче.
Потом смеется.
И смех всё ярче, желанней, звонче,
И сердце бьется.

Я сам не знаю,
О чем томится
Мое жильѳе?

Не сам впускаю
Такую птицу
В окно свое!

И что мне снится
В моей темнице,
Когда поет
Такая птица?

Прочь из темницы
Куда зовет?

24 декабря 1907

* * *

Их было много — дев прекрасных.
Ущелья гор, хребты холмов
Полны воспоминаний страстных
И потаенных голосов...

Они влеклись в дорожной пыли
Отвека ведомым путем,
Они молили и грозили
Кинжалом, ядом и огнем...

Подняв немые покрывала,
Они пасли стада мои,
Когда я крепко спал, усталый,
А в даях плакали ручьи...

И каждая прекрасной ложью
Со мною связана была,
И каждая заветной дрожью
Меня томила, жгла и жгла...

Но над безумной головою
Я бич занес, собрал стада
И вышел горною тропюю,
Чтоб не вернуться — никогда!

Здесь тишина. Здесь ходят тучи.
И ветер шелестит травой.

Я слушаю с заветной кручи
Их дольний ропот под горой.

Когда, топча цветы лазури
Копытом черного коня,
Вернусь, как царь в дыханьи бури, —
Вы не узнаете меня!

Март—июнь 1908

* * *

В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой;
Твой голос — только стон из хора,
Стон протяжённый и глухой.

И испытать тебя мне надо;
Их много, ищущих мёя,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаеть,
Ты смертью, может быть, умреть.

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска — что́ мне до них?
Ты — только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого ль достоин?
Смотри, как жалок ты и слаб,

Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!

И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!

25 мая 1908

ПО ПРАВОСЛАВНОМУ

Ты не получишь воздаянья,
Ты не узнаешь ничего,
Но быть дала ты обещанье
Хозяйкой дома моего.

Май 1908

* * *

Чудесно всё, что узнаю,
Постыдно всё, что совершаю.
Готов идти навстречу раю,
И медлю в сумрачном краю.

6 июля 1908

* * *

Ты помнишь — в лодке в час заката
Я задержал на миг весло?
Какая горькая утрата!
Какое счастье прошло!
Прошло и кануло навеки...

2 августа 1908

КОРОЛЕВНА

Не было и нет во всей подлунной
Белоснежной плеч.
Голос нежный, голос многострунный,
Льстивая, смеющаяся речь,

Все певцы полночные напевы
Ей слагают, ей.
Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей.

Темный рыцарь, не подняв забрала,
Жадно рвется в бой;
То она его на смерть послала
Белоснежную рукой.

Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни
Из высокого окна.

И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...

Да еще — души ее властитель,
Тот, кто навсегда
Путь забыл в далекую обитель, —
Не вернется никогда!

28 ноября 1908 — 16 мая 1914

* * *

Не могу тебя не звать,
Счастье мое!
Имя нежное твое
Сладко повторять!

Вся ты — бурная весна,
Вся ты — мной одним пьяна,
 Не беги же прочь!
 Хочешь дня —
 Приходит ночь...
Не избегнешь ты меня!

Золотистая коса, расплетись!
В эти жадные глаза заглядись!
Долгожданная гроза, разразись!

30 ноября 1908

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ВЕРХАРИ

ШАГИ

В зимний вечер, когда запирались
С пронзительным визгом ставни,
И зажигались
В пизенькой кухне лампы,
Тогда звенели шаги, звенели шаги,
Вдоль стены, на темной панели — шаги, шаги.

Уже дети в постелях закутались,
Их игры спутались;
И деревня сгустила тени крыш
Под колокольной;
Колокол бросил в мир дольний из ниши
Часы — один — и один — и два.
И страхи, страхи без числа;
Сердца стуки — вечерние звуки,

Воля моя покидала меня:
К ставне прильнув, я слушал томительно,
Как те же шаги, всё те же шаги
Уходят в даль повелительно,
Во мглу и печаль, где не видно ни зги.

Я различал шаги старушки,
Фонарщиков, дельцов

И мелкие пажки калечной побирушки
С корзиной мертвых барсуков;
Разносчика газет и продащицы,
И Питер-Хоста, шедшего с отцом,
Воздвигшего вблизи распятыя дом,
Где золотой орел блестит на легком шпиге.

Я знал их все: одним звучала в лад клюка
Часовщика; другим — костыль убогий
Монашенки, в молитвах слишком строгой;
Шаги пономаря, что пьет исподтишка, —
Я различал их все, но остальные чьи же?
Они звенели, шли — бог весть, откуда шли?
Однообразные, как «Отче наш», они звучали ближе,
Или пугливые — то сумасшедшие брели вдаль, —
Иль тяжкие шаги, — казалось,
Томленьем всех времен и всех пространств
обременялась

Подошва башмака.

И был их стук печален и угрюм
Под праздник Всех Святых, когда протяжен шум, —
То ветер в мертвый рог трубит издалека.
Из Франции влачили ноги,
Встречались на большой дороге, —
Когда сошлись, куда опять ушли?
И, углубясь опять, бредут в тени бессменной
В тот мертвый час, когда тревожные шмели
По четырем углам вселенной
Звенели, как шаги.

О, дум их, их забот бесцельные круги!
О, сколько их прошло, мной всё не позабытых!
Кто перескажет мне язык их странствий скрытых,
Когда я их стерег, зимой, исподтишка,
Когда их шарканый ждала моя тоска,
За ставней запертой, на дне деревни старой? —
Раз вечером, в телеге парой,
Железо, громохвая, провезли
И у реки извозчика убитого нашли;
Он рыжий парень был, из Фландрии брел к дому.
Убийцу не нашли с тех пор,

Но я... о! чувство мне знакомо,
Когда вдоль стен моих царапался топор.
А вот еще: свой труд дневной кончая,
Наш пекарь, весь в муке, ларек свой
заширал
И даму странную однажды увидал,—
Колдунья здесь она, а там —
святая, —
Соломой золотой одета, за углом
Исчезла — и вошла на кладбище
потом;

А я, в тот самый миг, в припадке,
Услышал, как плаща свернулись складки:
Так землю иногда скребут скребком.
И сердце так стучало,
Что после долго — из глубин
Души — мне смерть кивала.

А тем, — что делать им среди равнин,
Другим шагам, песметным и бесплодным,
Подслушанным на Рождестве холодном,
Влекущимся от Шельды, сквозь леса? —
Сиянье красное кусало небеса.
Одних и тех же мест алкая,
Издавна, издали, в болотах, меж травы,
Они брели, как бродит сила злая.
И вопль их возлетал, как хрип совы.
Могильщик шел с лопатой следом
И хоронил под ярким снегом
Громаду сложенных ветвей
И окровавленных зверей.

Душа еще дрожит, и ясно помнит разум
Могильщика с лопатой на снегу,
И призраки сквозь ночь мигают мертвым
глазом,
Взметенные в пылающем усталостью мозгу, —
Шаги, услышанные в детстве,
Мучительно пронзившие меня
В сторожкие часы, во сне, в бреду мучений,

Когда душа больна и стиснуты колени,
Они бегут, в крови ритмически звеня.

Из тѣней дальних, далей синих
Угрюмо-грузные, в упорной и тяжелой тишине.

Земля пьяна от них. Сочти их!
Сочти листы, колосья, снег в небесной вышине!

Они, как вести грозной мести, —
С раскатным шорохом, вдали,
В ночной тени, верста к версте, они

Протянут тусклые ремни,
И от одной страны, и от одной петли
Замкнется обруч их вдоль всей земли.

О! как впились и плоть прожгли
Шаги, шаги декабрьской тьмы,
И светлые пути зимы, —
Со всех концов земли — сквозь комнату прошли!

22—24 декабря 1905

БАЙРОН

ПОДРАЖАНИЕ ТИБУЛЛУ

Серинф жестокий! Ты ль неверным сердцем рад
Мученьям без числа, что грудь мою язвят?
Увы! Стремилась я лишь муку утишить,
Чтоб снова для любви и для тебя мне жить.
Но плакать над судьбой я больше не должна,
И ненависть твою излечит смерть одна.

3 ноября 1905

ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ

Елене

О, только б огонь этих глаз целовать, —
Я тысячи раз не устал бы желать!
Всегда погружать мои губы в их свет,
В одном поцелуе прошло бы сто лет!
Но разве душа утолится, любя?
Всё льнул бы к тебе, целовал бы тебя.
Ничто б не могло губ от губ оторвать:
Мы всё б целовались опять и опять:
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке — не стоит труда;
Могу ль изменить? — Никогда, никогда!

3 ноября 1905

ПОСВЯЩАЕТСЯ МЭРИОН

Что ты, Мэрион, так грустна?
Или жизнью смущена?
Гнев нахмуренных бровей
Не к лицу красе твоей.
 Не любовью ты больна,
Нет, ты сердцем холодна.
Ведь любовь — печаль в слезах,
Смех, иль ямки на щеках,
Или склон ресницы томной, —
 Ей противен холод темный.
Будь же светлой, как была,
Всем по-прежнему мила,
А в снегах твоей зимы
Холодны, бездушны мы.
 Хочешь верности покорной —
Улыбайся, хоть притворно.
Суждено ль — и в грустный час
Прятать прелесть этих глаз?
Что ни скажешь — всё напрасно;
 Их лучей игра прекрасна,
Губы... Но чиста, скромна,
Муза петь их не должна:
Она краснеет, хмурит брови,
Велит бежать твоей любви,
 Вот рассудок принесла,
Сердце вовремя спасла.
Так одно сказать могу
(Что б ни думал я — солгу):
Губы нежные таят
 Не одной насмешки яд.
Так, в советах беспристрастных
Утешений нет опасных:
Песнь моя к тебе проста,
Лесть не просится в уста;
 Я, как брат, учить обязан,
Сердцем я с другими связан;
Обману ли я тебя,
Сразу дюжину любя?
Так, прости! Прими без гнева

Мой совет немилый, дева;
А чтоб не был мне в упрек
Мой докучливый урок,
Опишу тебе черты
Властной женской красоты:

Как ни сладостна для нас
Алость губ, лазурность глаз,
Как бы локон завитой
Ни прельщал нас красотой,
Всё же это плен мгновенный, —
Как нас свяжет неизменно
Легкий очерк красоты?
Нет в нем строгой полноты.
Но открыть ли, что нас свяжет,
Что пажам вас чтить прикажет
Королевами всего?
Сердце, — больше ничего.

7 ноября 1905

ОТРЫВОК

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Аннслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило
День долгий коротать:
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблестать.

7 ноября 1905

ГЕОРГУ, ГРАФУ ДЕЛАВАРУ

О, да, я признаюсь, мы с вами близки были:
Связь мимолетная для детских лет — вечна:
Нам чувства братские сердца соединили,
И пам была любовь взаимная дана.

ДАМЕТ

Бесправный, как дитя, и мальчик по летам,
Душою преданный убийственным страстям,
Не ведая стыда, не веря в добродетель,
Обмана бес и лжи сочувственный свидетель,
Искусный лицемер от самых ранних дней,
Изменчивый, как вихрь на вольности полей,
Обманщик скромных дев, друзей неосторожных,
От школьных лет знаток условий света

ложных, —

Дамет изведаль путь порока до конца
И прежде остальных достиг его венца:
Но страсти, до сих пор терзая сердце, властно
Велят ему вкушать подонки чаши страстной;
Пронизан похотью, он цепь за цепью рвет
И в чаше прежних нег свою погибель пьет.

9 ноября 1905

L'AMITIÉ EST L'AMOUR SANS AILES *

К чему скорбеть больной душою,
Что молодость ушла?
Еще дни радости за мною;
Любовь не умерла.
И в глубине былых скитаний,
Среди святых воспоминаний —
Восторг небесный я вкусил:
Несите ж, ветры золотые,
Туда, где пелось мне впервые:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

В мимолетающих лет потоке
Моим был каждый миг!
Его и в туче слез глубоких
И в свете я постиг:

* Дружба — это бескрылая любовь (франц.). — *Ред.*

И что б судьба мне ни судила, —
Душа бывшее возлюбила,
И мыслью страстной я судил;
О, дружба! чистая отрада!
Миром блаженных мне не надо:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Где тисы ветви чуть колышут,
Под ветром наклонясь, —
Душа с могилы чутко слышит
Ее простой рассказ;
Вокруг ее резвится младость,
Пока звонок, спугнувший радость,
Из школьных стен не прозвонил:
А я, среди этих мест печальных,
Всё узнаю в слезах прощальных;
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Перед твоими алтарями,
Любовь, я дал обет!
Я твой был — сердцем и мечтами, —
Но стерт их легкий след;
Твои, как ветер, быстры крылья,
И я, склонясь над дольней пылью,
Одну лишь ревность уловил.
Прочь! Улетай, призрак влекущий!
Ты посетишь мой час грядущий,
Быть может, лишь без этих крыл!

О, шпиль дальних колоколен!
Как сладко вас встречать!
Здесь я пылать, как прежде, волен,
Здесь я — дитя опять.
Аллея вязов, холм зеленый;
Иду, восторгом упоенный, —
И венчик — каждый цвет открыл;
И вновь, как встарь, при ясной встрече,
Мой милый друг мне шепчет речи:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Мой Ликус! Слез не лей напрасных,
Верна тебе любовь;

Она лишь грезит в снах прекрасных,
Она проснется вновь.
Недолго, друг, нам быть в разлуке,
Как будет сладко жать нам руки!
Моих надежд как жарок пыл!
Когда сердца так страстно юны, —
Когда поют разлуки струны:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Я силе горьких заблуждений
Предаться не хотел.
Нет, — я далек от угнетений
И жалкого презрел.
И тем, кто в детстве был мне верен,
Как брат, душой нелицемерен, —
Сердечный жар я возвратил.
И, если жизнь не прекратится,
Тобой лишь будет сердце биться,
О, Дружба! наш союз без крыл!

Друзья! душою благородной
И жизнью — с вами я!
Мы все — в одной любви свободной —
Единая семья!
Пусть королям под маской лживой,
В одежде пестрой и красивой —
Язык медовый Лесть точил;
Мы, окруженные врагами,
Друзья, забудем ли, что с нами —
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Пусть барды вымыслы слагают
Певучей старины;
Меня Любовь и Дружба знают,
Мне лавры не нужны;
Всё, всё, чего бежала Слава
Стезей волшебной и лукавой, —
Не мыслью — сердцем я открыл;
И пусть в душе простой и юной
Простую песнь рождают струны:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

13 ноября 1905

**СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ ПОД ВЯЗОМ
НА КЛАДБИЩЕ В ГАРРОУ**

Места родимые! Здесь ветви вздохов полны,
С безоблачных небес струятся ветра волны:
Я мыслю, одинок, о том, как здесь бродил
По дерну свежему я с тем, кого любил,
И с теми, кто сейчас, как я, — за синей

далью, —

Быть может, вспоминал прошедшее с печалью:
О, только б видеть вас, извилины холмов!
Любить безмерно вас я всё еще готов;
Плакучий вяз! Ложась под твой шатер укромный,
Я часто размышлял в час сумеречно-скромный:
По старой памяти склоняюсь под тобой,
Но, ах! уже мечты бывалой нет со мной;
И ветви, простонав под ветром — пред

ненастьем, —

Зовут меня вздохнуть над отсиявшим счастьем,
И шепчут, мнится мне, дрожащие листы:
«Помедли, отдохни, прости, мой друг, и ты!»
Но охладит судьба души моей волнение,
Заботам и страстям пошлет успокоенье,
Так часто думал я, — пусть близкий смертный
час

Судьба мне усладит, когда огонь погас;
И в келью тесную, иль в узкую могилу —
Хочу я сердце скрыть, что медлить здесь любило;
С мечтою страстной мне отрадно умирать,
В излюбленных местах мне сладко почивать;
Уснуть навеки там, где все мечты кипели,
На вечный отдых лечь у детской колыбели;
Навеки отдохнуть под пологом ветвей,
Под дерном, где, резвясь, вставало утро дней;
Окутаться землей на родине мне милой,
Смешаться с нею там, где грусть моя бродила;
И пусть благословят — знакомые листы,
Пусть плачут надо мной — друзья моей мечты;
О, только те, кто был мне дорог в дни былые, —
И пусть меня вовек не вспомнят остальные.

13 ноября 1905

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

Встревожен мертвых сон — могу ли спать?
Тираны дают мир — я ль уступлю?
Созрела жатва — мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

4 января 1906

ЛЮСЬЕТТА

Отрывок

Люсьетта, голубка,
Твою прелесть живую
Создавали одни поцелуи;
Но в любви, без сомненья,
Есть странней положенья;
Я знаю — другая
Мне близкая, злая,
Лукавой приманкой,
Чародейной осанкой —
То дразнит и мстит мне,
То сладкую муку дарит мне.
Caétera desunt. *

4 января 1906

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить, иль пасть с тобой в крови,
И, если б пробил час, — делить с тобой, любимой,
Всё, верность сохранив свободе и любви.

* Остальное отсутствует (лат.). — *Ред.*

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.

Я взор мой устремлял в больной и мутный взор твой,
И ложе уступил, и, бдением истомлен,
Прильнув к ногам, готов земле отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в смертный сон,

Землетрясенье шло и стены сотрясало,
И всё, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.

И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,
Тебе, тебе даря — последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.

О, многое прошло; но ты не полюбила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд, — любить всё вновь и вновь.

4 января 1906

ПЕСНЬ К СУЛИОТАМ

Дети Сули! Киньтесь в битву,
Долг творите, как молитву!
Через рвы, через ворота:
Бауа! Бауа! Сулиоты!
Есть красотки, есть добыча,
В бой! Творите свой обычай!

Знамя вылазки святое,
Разметавшей вражьи строи,

Ваших гор родимых знамя,
Знамя ваших жен над нами,
В бой, на приступ, стратиоты,
Бауа! Бауа! Сулиоты!

Плуг наш — меч: так дайте клятву
Здесь собрать золотую жатву;
Там, где брешь в стене пробита,
Там врагов богатство скрыто:
Есть добыча — слава с нами, —
Так вперед, на спор с громами!

4 января 1906

НА РОЖДЕНИЕ ДЖОНА ВИЛЬЯМА РИЦЦО ГОПНЕРА

Пусть прелесть матери с умом отца
В нем навсегда соединится,
Чтоб жил он в добром здравьи до конца
С завидным аппетитом Риццо.

9 января 1906

ПОБЕДА

Пою дитя любви, вождя войны кровавой,
Кем бриттов отдана Нормандии земля,
Кто в роде царственном своем отмечен славой
Завоевателя — не мирного царя.
Он, осенен крылом своей победы гордой,
Вознес на высоту блистательный венец:
Бастард держал, как лев, свою добычу твердо,
И бриттов победил в последний раз — храбрец.

9 января 1906

СОЧУВСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ САРРЕ,
ГРАФИНЕ ДЖЕРСЕЙ,
ПО ПОВОДУ ТОГО, ЧТО ПРИНЦ РЕГЕНТ
ВОЗВРАТИЛ ЕЕ ПОРТРЕТ М-С МИ

Когда торжественно тщеславный кесарь Рима,
Пред кем склонялась чернь с враждой
непримиримой,

Открыл перед толпой святыню славных дней,
Все статуи святых и доблестных мужей, —
Что более всего приковывало зренье?
Что взорам пристальным внушало изумленье
При этом зрелище? Чьих черт не видно тут?
Нет изваяния того, чье имя — Брут!
Все помнили его, — толпа его любила,
Его отсутствие — залогом правды было;
Оно впелело в венец, для славы, больше роз,
Чем мог вплести гигант и золотой колосс.
Так точно, если здесь, графиня, наше зренье
Твоих прекрасных черт лишилось в изумленье,
В прелестном цветнике красавиц остальных,
Чья красота бледна пред солнцем черт твоих;
Когда седой старик — поистине наследник
Отцовского венца и королевских бредней, —
Когда развратный взор и вялый дух слепца
Отвыкли без труда от твоего лица, —
Пусть на его плечах позор безвкусья; рамы —
Где тьма красивых лиц, и нет прекрасной дамы!
Нас утешает мысль, — когда уж лучше нет, —
Мы сохраним сердца, утратив твой портрет.
Под сводом зал его — какая нам отрада?
В саду, где все цветы, — и нет царицы сада;
Источник мертвых вод, где нет живых ключей;
И небо звездное, где Дианы нет лучей.
Уж не плениться нам такую красотой,
Не глядя на нее, летим к тебе мечтою;
И мысли о тебе нас больше восхитят,
Чем всё, что *может* здесь еще пленить

наш взгляд.

Сияй же красотой в небесной выси синей,
Всею кротостью твоей и правильностью линий,

ЛЕКОИТ

ЦИРЦЕЯ

Год миновал. Мы пьем среди твоих владений,
Цирцея! — долгий плен.
Мы слушаем полет размерных повторений,
Не зная перемен.

И погружаясь, как мы, в забвение о смене
И месяцев и лет,
Неувядающий — краса твоих владений —
Благоухает цвет.

И венчики цветов, таясь, полураскрыли
Истомные уста,
И вечной свежестью и диких роз и лилий
Сияет чистота.

Пусть чаша их страшна для нас, неустомимых,
Пусть в этой чаше яд!
Пусть, медленно прильнув, уста цветов любимых
Нас гибелью поят.

Под формой странно скрывая образ пленный,
От чар, как мы, вкусив,
Меж нами кружатся, глядят на нас смиренно
Стада косматых див.

Бесцельна красота сплетений в гривах строгих
Их включенных голов,
И всё еще в тени их душные берлоги,
Где, греясь, пахнет кровь.

Здесь львы укрощены — над ними благовонный
Волос простерся шелк.
И тигр у ног твоих — послушный и влюбленный,
И леопард, и волк.

Для зорких рысьих глаз и для пантеры пестрой
Здесь сон и забытье.
Над ними в сладкой мгле струит свой запах острый
Любовное питье.

О, ясные сады, где обаянье дремлет,
Где тигр ползет у ног,
Где, вспыхнув на конце чешуйчатого стебля,
Родится злой цветок,

Где на песок аллея, прохладный и сыпучий,
В вечерний, свежий час,
В лазурной чешуе, мясистый и колючий,
Дракон ползет, клубясь.

Но даль морей ясна. Прости, чудесный остров,
Для снов иной страны!
Вон острый волнорез подьмет красный остов,
Мы завтра — плыть должны.

Мы склоним без труда, вслед киммерийской тени,
Тройную медь кормы —
Туда, где сорвались подземные ступени,
Зевая, в царство тьмы.

Наш кормщик у руля: не знают страха груди,
Скользи, корабль, скользи...
Тот, кто узнал тебя, Цирцея! не забудет
К безмолвию стези.

Декабрь 1905

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ БАЛЬМОНТА ИЗ МЕКСИКИ

Я бандит, я бандит!
Поднося мне яду склянку,
Говорила мексиканка:
«У тебя печальный вид.
Верно, ты ходил в Пампасы:
Загрязненные лампасы —
Стыд!»
Увлеченный,
Упоенный,
Озираясь,
Упиваясь,
С мексиканкой обнимаясь,
Я — веселый —
Целовал
Мексиканские подолы,
Взор метал
Из-под сонных
Вежд, но страстных,
Воспаленных,
Но прекрасных...
Сдвинул на ухо сомбреро
(Приближался кабалеро),
Стал искать
Рукоять

Шпаги, сабли и кинжала —
 Не нашел, —
 Мексиканка убежала
В озаренный тихий дол.
Я ж, совсем подобен трупу,
К утру прибыл в Гуаделупу
 И почил
 В сладкой дреме
 И в истоме,
 В старом доме,
 На соломе,
Набираясь новых сил.
И во сне меня фламинго
 В Сан-Доминго
 Пригласил.

Григорий Е.
(псевдоним)

Февраль 1905

* * *

Жена моя, и ты угасла,
Жить не могла, меня любя.
Смотрю печально из-за прясла
Звериным взором на тебя.

1907

* * *

Чулков и я стрелой амура
Истыканы со всех концов,
Но сладким ядом каламбура
Не проведет меня Чулков.

1907—1908

* * *

Чулков «Одною ночью» занят,
Я «Белой ночью» занялся, —
Ведь ругань Белого не ранит
Того, кто всё равно спился...

Май 1908

**ШУТОЧНЫЕ СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ ПРИ УЧАСТИИ
А. БЛОКА**

* * *

Скользкая жаба-змея, с мутно-ласковым взглядом,
В перьях зеленых, ко мне приползла, увилаась и впилаась.

Жабы той стан я обвил, сел с ней под липою рядом,
Выдернул перья в пучок, жаба в любви мне клялась:
«Милый, ты нравишься мне: как попик болотный, ты сладок,
Блока задумчивей ты, голосом — сущий Кузмин!»

Блоку досталось как раз разрешение этих загадок.
Горько он плачет над ними, не может решить их один.

Осень 1906

* * *

Близятся выборы в Думу:
Граждане, к урнам спешите.

Ловите, ловите коварную пуму,
Ловите, ловите, ловите, ловите!
Где дворники ходят, как лютые тигры,
Где городовые ведут вас в участок,

Где пристав свирепый ведет свои игры,
Разит вас глубоко его глаз ток.

Осень 1906

* * *

Для исполнения программы
Я заручусь согласьем сил.

А для меня, как модной дамы,
Всякий стих уж будет мил;
Так смотрите, не забудьте,
Напишите что-нибудь!

Оросив слезами грудь,
Музу петь свою принудьте.

Осень 1906

* * *

Мы пойдем на «Зобеиду», —
Верно дрянь, верно дрянь.
Но уйдем мы без обиды,
Словно лань, словно лань.

Мы поедем в Сестрорецкий
Вчетвером, вчетвером.
Если будет Городецкий —
Вшестером, вшестером.

10 февраля 1907

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 〈К СБОРНИКУ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»〉

Нечаянная Радость — это мой образ грядущего мира. В семп отделах я раскрываю семь стран души моей книги.

Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать «прощай» зиме, кувыркаться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они — добродушные и бессловесные твари, — привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир — балаган, позорище.

Она осталась бы такою, если бы не тревожили людские обитатели — города. Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи — снежные королевы — влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слышали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти.

И молчаливая девушка за узким окном всю ночь ткет мне мой Перстень-Страданье; ее работа рождает во мне тихие песни отчаянья, песни Покорности.

Но над миром, где всегда дует ветер, где ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза, — Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотую короной лесов упирается в сипсе небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря и как свободна душа. Нечаянная Радость близка. Она смотрит в глаза мне очами синими, бездонными и незнакомыми, как очи королевны Ночной Фиалки, которая молчит и прядет. И я смотрю на нее, но вижу

ее как бы во сне. Между нами нет ничего неразгаданного, но мы все еще незнакомы друг другу.

Мир, окружающий меня, также смотрит в еще незнакомые очи Нечаянной Радости. И Она смотрит в очи ему. Но они уже знают о скорой встрече — лицом к лицу.

Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли.

Александр Блок

Август 1906

С. Шахматово, Моск(овской) губ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
〈К СБОРНИКУ «ЗЕМЛЯ В СНЕГУ»〉

Зачем в наш стройный круг ты ворвалась, комета?

Л. Б.

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный круг свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама, и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем...
Что́ нүжды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона бтчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

Ап. Григорьев. 1843

План третьей книги моих стихов — неизбежная, драматическая последовательность жизни.

«Стихи о Прекрасной Даме» — ранняя утренняя заря — те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. Одиночество, мгла, тишина — закрытая книга бытия, которая пленяет недоступностью, дразнит странным узором непонятных страниц. Там все будущее — за семью печатями. В утренней мгле сквозит уже Чародейный, Единный Лик, который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни. Может быть, скоро уже Он явится

мне опять, и тогда пойму, что перегнулась линия жизни и близится закат. Но — мимо! Опять в слепоту и хмель, во мрак и тревогу безумно торопят меня восторги жадной жизни.

«Нечаянная Радость» — первые жгучие и горестные восторги — первые страницы книги бытия. Чаши отравленного вина, полувоплощенные сны. С неумолимой логикой падает с глаз целена, неумолимые черты безумного уродства терзают прекрасное лицо. Но в буйном восторге душа поет славу новым чарам и новым разуверениям; ей ведомы новые отравы, новый хмель. Готовая умереть, она чудесно возрождается; готовая к полету, срывается в пропасть — и плачет, и плачет на дне. Израженная — поет. Избитая — кричит. Истопанная — возносится к прозрачной синеве. Надтреснутый колокол мерно качается и поет серебряным голосом, пока не сорвется в пропасть: восторгов мира не избыть, влюбленность, как феникс, возникнет из пепла, — и новые шпы празднует природа там, где вчера еще нахло гарью, и вспугнутые птицы взлетали и метались, жалобно крича, над смрадно дымящейся землей.

Кто посмеет сказать: «Не должно. Остановись»? Так я живу, так я хочу. Не променяю моих восторженных и черных дней, моей мешающей лени, моего вечного праздника на вашу здравость и глубину, на ваши жемчужные зори. Не по чуждой воле погибну, не по чуждой восстану. Я вопрошаю словами поэта:

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это всё? Еще душа пылает, —
По-прежнему готова мир обнять...
Напрасный жар — никто не отвечает!
Воскреснут звуки — и замрут опять...

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалика мне голос твой принес:
В ланитах кровь и в сердце вдохновенье...
Прочь этот сон — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем, —
Что жизнь и смерть!.. — А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет! И плачет, уходя!

И вот *Земля в снегу*. Плод горестных восторгов, чаша горького вина. Когда безумец потерял дорогу, — уж не вы ли укажете ему путь? Не принимаю — идите своими путями. Я знаю сам страны света, звуки сердца, лесные тропинки, глухие овраги, огни в избах моей родины, яркие очи моей спутницы.

Что из того, что Судьба, как цирковая наездница, вырвалась из тусклых мерцаний кулис, и лихой скакуп ее, ослепленный потоками света, ревом человеческих голосов, щелканьем бичей, понесся вокруг арены, задевая копытами паразет? И вот Судьба — легкая наездница в прозрачной тунике, вся розовая, трепетно-стыдливая на арене, нагло-бесстыдная в страсти, хлестнула невзначай извилистым бичом жалкого клоуна, который ломается на глазах амфитеатра, — хлестнула прямо в белый блин лица. В душе у клоуна — пожар смеха, отчаянья и страсти. Из-под красных треугольных бровей льется кровь — оттого и не видно дороги. Идет, пошатываясь и балагурия, — по не протягивайте рук и не спасайте.

Далеко в потемках светит огромный факел влюбленной души. Если с ним заблужусь, то уж некому спасти, ибо сама Судьба превратила эту пышность, этот неизбывный восторг, эту ясную совесть, эту радостную тоску — в ничто. И я протяну к ней руки, я поклонюсь ей в ноги, — будь Она в образе цирковой наездницы в ажурных чулках с голубыми стрелками, с тонким и оскорбительным бичом, с глазами пленительной мещанки, сияющими лишь по привычке всегда сиять, до гроба сиять.

Так разворачивается жизнь. Так, всему изумляясь, ни о чем не сожалея, страдной тропею проходит душа. Расступитесь. Вот здесь вы живете, вот в этих пыльных домиках качаете детей и трудитесь, вот здесь воскресным вечером, в желтой летней пыли, щелкаете орешки, лущите подсолнухи, покупаете зеркальце на уличном лотке, чтобы стать краше и нравиться милому. Но издали идет к вам вольная, дерзкая, наглая цыганка с шафранным лицом, с бездонной страстью в черных очах. Медленно идет, гуляя, отдыхая, от одной страстной ночи к другой. В черных волосах бренчат желтые монеты, запылен красно-желтый платок. Вам должно встать, и дать ей дорогу, и тихо поклониться.

Кто захочет понять, — пусть поймет неумолимую логику этих малословесных книг. Кто захочет больше — поверить, — пусть верит, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайная равнина — изна-

чальная родина, может быть, сама Россия. И снега, затемняющие сияние Единой Звезды, улягутся. И снега, застилающие землю — перед весной. Пока же снег слепит очи и холод, сковывая душу, заграждает пути, издали доносится одинокая песня Коробейника: победно-грустный, призывный напев, разносимый вьюгой:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча!

Выди, выди в рожь высокую,
Там до почки погожу,
А завижу черноокою —
Все товары разложу!

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они!
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...

Александр Блок

*Март 1908 г.
С.-Петербург*

ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»

«Нечаянная Радость» — переходная книга: еще не отзвучали «Стихи о Прекрасной Даме», а уже основной отдел («Магическое») связан со «Снежной ночью». Взглянувший на даты книги поймет, почему она отличается всеми свойствами переходного времени.

Книга дополнена стихотворениями, ей современными, которые по разным причинам не вошли в ее первое издание, но все были напечатаны, кроме одного (XXVIII), в сборниках моих стихов и повременных изданиях.

П Р И М Е Ч А Н И Я

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

«Земля в снегу» — Александр Блок. Земля в снегу. Третий сборник стихов. Изд-во «Золотое руно», М., 1907.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР.

«Неизданные стихотворения» — А. Блок. Неизданные стихотворения (1897—1919). Изд-во «Жизнь искусства», Л., 1926.

«Нечаянная Радость» — Александр Блок. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов. Изд-во «Скорпион», М., 1907.

Рукопись — беловые автографы стихотворений А. Блока 1897—1921 гг. (с позднейшей правкой), сосредоточенные в десяти тетрадах (фонд А. Блока в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР).

«Собр. соч.» — Александр Блок. Собрание сочинений, тт. I—XII. Изд-во писателей в Ленинграде и «Советский писатель», Л., 1932—1936.

«Собр. стих.» II и III — Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга вторая — Нечаянная Радость (1904—1906). Издание второе, дополненное. Книга третья — Снежная ночь (1907—1910). Изд-во «Мусагет», М., 1912. Авторский экземпляр этого издания, с пометами и поправками А. Блока, хранится в его архиве (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР).

«Стихи о Прекрасной Даме» — Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. Изд-во «Гриф», М., 1905.

«Хронологический указатель» — Хронологический указатель стихотворений А. Блока, составленный им самим (рукопись в архиве А. Блока — Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

Черновики — черновые автографы стихотворений А. Блока, сосредоточенные по преимуществу в его записных книжках и в особой папке «Черновые стихи» (фонд А. Блока в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР).

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ВТОРАЯ

В с т у п л е н и е. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). 7—10
В рукописи озаглавлено: «Молитва». В качестве вступления ко
второму тому печатается начиная с 1916 г.

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Эпиграф к отделу взят из трагедии Шекспира «Макбет» (акт I, сд. 3), которая принадлежала к числу любимейших литературных произведений Блока (см. ниже, стр. 436 — прим. к стих. «Она пришла с мороза...»).

«Н а п е р е к р е с т к е...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). Во втором черновике, датированном 6 мая 1904 г., другое начало:

На перекрестке,
Где три дороги
Бегут, теряясь, в [пышность нив], —
Стою печален.
На земле холодной и жесткой,
Где откосы оврагов отлоги,
Где солнце, даль озолотив,
Мне кажется в кружеве березки
Ручьев и рек разлив, —
Где даль поставила,
В глаза мне брызнув...

В рукописи—дата: «Май—декабрь 1904» и заглавие: «Весеннее».

Б о л о т н ы е ч е р т е н я т к и. Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6 (без посвящения). В отдельном автографе (ныне утраченном, — см. «Литературное наследство», 1937, № 27/28, стр. 677—678), озаглавленном: «Чертежята-двойники»

11 (с подзаголовком: «Мокрая сказка»), текст гораздо пространнее. Здесь, кроме незначительных разночтений, после второй строфы — еще одна:

Помни, нежить, я гляжу
Пустотой орбит.
Сказку мокрую скажу, —
Кто с тобой сидит.

И после четвертой строфы окончательного текста — еще четыре:

«К устью! к устью!» — кличут пусть...
Мы — в начале рек...
Оттого речная грусть
Не прейдет вовек...

Неотлучен ты и сам
От ночных работ...
Опрокинуться бы нам
В ржавчину болот!

Если б я хотел тонуть, —
Ты бы не пустил
Гадких капелек хлебнуть,
Кануть в мерзкий ил.

Если б ты, дурак, тонул, —
Я бы, в смрадном сне,
Ногу тонкую тянул,
Шарил в глубине...

Посвящение появилось в сборнике «Нечаянная Радость» (1907). *Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель-символист, прозаик и драматург, особенно охотно разрабатывавший темы и мотивы сказочного фольклора, истолковывая их в мистическом, реакционном духе; с 1921 г. — эмигрант. Блок сблизился с А. М. Ремизовым в январе 1905 г. и в дальнейшем поддерживал с ним дружеские отношения.

«Я живу в отдаленном скиту...» Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. Первоначальный черновой набросок:

Я живу в одиноком скиту
В дни, когда мое сердце уколото.
Выхожу — и стою на мосту
И смотрю на осеннее золото.

Безначально безмолвная ширь,
Тишина колокольных высот.
Та, что нынче читала Псалтирь,
Та монахиня завтра умрет.

Так прозрачна была и больна,
И в чертах — восковая печаль.
В церкви стала на фоне окна,
Но сквозила за окнами даль.

В 1919 г. Блок перенес первую строфу этого стихотворения в арию невесты для незаконченной кантаты «На поле Куликовом» (т. III наст. издания). *Псалтирь* (псалтырь) — сборник псалмов.

Т в а р и в е с е н н и е. Впервые — «Весы», 1906, № 5. В рукописи, озаглавленной: «Послание к лесным тварям из альбома «Kindisch» Т. Н. Гиппиус» (вариант заглавия: «Лесные твари»), кроме многочисленных мелких разночтений, после 26-го стиха («Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?») — еще четверостишие:

Всей вашей зеленью, крепостью,
Небывальщиной, голубчики,
Вы сольетесь с утренней крепостью,
Вопьетесь в розовые зубчики.

Гиппиус Татьяна Николаевна — художница-график, в 1906 г. нарисовала портрет Блока. По свидетельству А. Белого, Блок «очень любил и с удовольствием долго рассматривал» рисунки Т. Н. Гиппиус в ее альбоме «Kindisch», заполненном изображениями разного рода фантастических «тварей» и чертенят (см. «Эпопея», 1922, № 3, стр. 214). *Купальница* — то же, что купава, луговой цветок.

Б о л о т н ы й п о п и к. Впервые — «Весы», 1906, № 5. В рукописи посвящено Л. Д. Блок) — жене поэта.

«На весеннем пути в теремок...» Впервые — «Весы», 1906, № 5. В «Собр. стих.» II (1912) Блок пояснил: «Слово „таль“ — старое русское. Оно встречалось еще в XVIII веке — у А. Т. Болотова». В авторском экземпляре этого издания приписано и зачеркнуто заглавие: «Весна и колдун».

«П о л ю б и э т у в е ч н о с т ь б о л о т...» Впервые — «Слово», 1906, 26 июня. В черновике к этому стихотворению относится отдельное двустишие:

Злаки желтые, травы дремотные,
Красно-ржавые тени болотные.

В рукописи это стихотворение объединено с двумя следующими и с «Не строй жилищ у речных излучин...» (стр. 65 наст. тома);

18—23 при этом — помета: «4 стихотворения, напис(анных) летом 1905 и отделанных позже».

«Белый конь чуть ступает усталой ногой...» Впервые — «Слово», 1906, 15 июня. В черновике — помета: «Белый конь умер». *Схима* — высшая монашеская степень, требующая от посвященного в нее выполнения суровых, аскетических правил. *Змеевик* — общее название ряда травянистых растений. *Новоселки* — деревня в окрестностях Шахматова.

«Болото — глубокая впадина...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907).

Старушка и чертеныга. Впервые — «Слово», 1906, 2 апреля. В черновике после первой строфы — начало следующей, оставшейся незаконченной:

Вышла девушка — в жемчуге, в золоте,
Заглянула старухе в лицо...

Посвящение носит шуточный характер: *Григорий Е.* — это еж, пойманный Блоком и живший в шахматовском доме летом 1905 г. *Троица* — монастырь Троице-Сергиевой лавры (ныне Загорск). *Купина* — см. т. I наст. издания, стр. 604.

«Осень поздняя. Небо открытое...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) приписано заглавие (или — помета): «Берег пруда».

Э х о. Впервые — «Золотое руно», 1906, № 7. В черновике — другой текст второй строфы:

Иду, моя радость! И сердце так хочет
Быть страстным, святым и свободным!
В просторе недвижимом, холодном
И страсти и смерти — привет!
И сладкой неволи душа не захочет,
И времени нет!

В рукописи эта строфа первоначально имела следующий вид:

Листва золотая,
Сквозные стволы!
Иду, моя радость! И сердце не хочет,
И нимфа хохочет,
Хохочет. И времени нет.

Осенних убранств и запястий
 Готовят безвременный пир.
 Там — в синем раздолыи — мой голос пророчит
 Возвратить, опрокинуть весь мир
 На меня!

Эхо — в греческой мифологии нимфа, олицетворение эха.

П л я с к и о с е н н и е. Впервые — «Золотое руно», 1906, № 7, — с посвящением Б. Н. Бугаеву (Андрею Белому), которое было снято лишь в третьем издании второго тома (1916). В черновике после третьей строфы — два наброска еще одной:

⟨1⟩

Ты волнуешь всё реже,
 Пред тобой умирают слова,
 Дева осени свежей —
 Золотая листва.

⟨2⟩

Ты колеблешь тростник у прибрежий,
 Пред тобой умирают слова.
 Дева осени бледной и свежей,
 Золотистая в небе листва.

В рукописи — первоначальное заглавие: «Осенняя пляска». В «Собр. стих.» II (1912) — помета: «Леспой» (пригородный район Петербурга). В авторском экземпляре этого издания — помета: «Сократить. Ты — с мал⟨енькой⟩ буквы. Ты везде с маленькой буквы». *Осенницы* — словообразование Блока, своего рода нимфы — спутницы осени.

НОЧНАЯ ФИАЛКА

Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). «Эта поэма — почти точное описание виденного мною сна», — пояснил Блок в «Собр. стих.» II (1912). Ср. в письме к Е. П. Иванову от 3 декабря 1905 г.: «16 ноября мне приснилось нечто, чем я живу до сих пор. Такие изумительные сны бывают раз в год — два года» («Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову». М.—Л., 1936, стр. 45). Вот стихотворная запись этого сна, занесенная Блоком в записную книжку и представляющая собой своего рода план поэмы:

САМОЕ ВАЖНОЕ
(сон с 16 на 17 ноября)

д е й с т в и т е л ь н о

Вот теперь я говорю вам о самом важном,
Что видел во сне,
Но когда-то и наяву.
В двух отделах:

1) Вступительное и без прозы:

Она сидела в избушке
У болота,
И где-то был ее муж.
Мож(ет)-быть, и пахло болотом,
И в полутемной горнице
Были деревянные скáмьи.
На одной из них, незаметный,
Сидел ее муж,
Не влияя
На сладкие чувства мои.
Она была некрасива
И с незаметным лицом,
И, может быть,
Кружка пива стояла невдалеке
На деревянном столе
(Вспомнить о Сольвейг).
Тут было много молодого
И совсем, совсем еще свежего,
Как первая любовь бывает.
И всё это происходило, однако, ночью,
Как и второе:

2) Уже приближалась

(Говоря «литературно»)
Вторая стадия, она же —
«Проза жизни».
Но это было не так.
Ночью я шел по широкой
И темной, мало застроенной
(Как бы деревенской) улице
К Ней (с кем-то, кажется).
И навстречу попадались
Пьяные солдаты,
Грозившие мне
Обнаженными пашками
(Почему? Почему?).
Но когда вышли за окраину
(Города),
Стало тихо и пусто,
И, перейдя по мостику или кладкам
Через болотце,
Мы приближались к тому длинному зданию,
Где проводила время

Среди других

Она.

Это здание я знал длинным

Только изнутри,

А снаружи мало памятна мне

Обыкновенная избушка.

Но, войдя внутрь,

Я ясно узнавал

Расположение его: *

Ближе к входу —

На лавке, стоявшей поперек избы,

Кажется, перед столом

(И, может быть, за пряжей) сидела

Она

(Ночная фиалка!),

Болотная трава, — сладкий дурман,

Какие-то духи,

И чувственные,

И чистые.

Но ее лицо было некрасиво,

Незаметно,

И как будто даже постарело

С первого раза. —

Утомленное ли?

И, войдя, я поздоровался с ней,

И в сладком дурмане

Стал преодолевать

(Вероятно — «прозу жизни»).

На длинной лавке неровной

(Смотри рисунок — вдоль стены)

Сидели чужие.

Из них два самые важные —

Старик и старуха **

Не подали мне руки

Из важности.

Но другие подали.

И все-таки было тяжело.

Наконец, в самом конце избы

На лавке поперек

(Как и Она),

Но только у стены,

Сидел ее муж,

И с ним мы встретились темно

И уж я не помню как. —

Вот всё, что я мог записать для вас,

И этому вы не можете не поверить,

Потому что, хоть и прошли с тех пор

* В этом месте рукописи нарисована схема «расположения». — *Ред.*

** Царь и царица? (Позднейшая приписка Блока. — *Ред.*)

Отвратительный день
 И скучная ночь
 И еще пол тягучего дня, —
 Но я помню ясно
 Болотный запах
 Ночной фиалки —
 Сладкий дурман
 (Вот привязался-то к этому слову!).
 А главное —
 Чего и сам не могу рассказать, —
 Но из чего я понял ясно,
 Что это самое настоящее
 И самое главное для меня,
 Хотя лицо ее не было красивым
 И даже как будто постарело
 Во второй раз.
 Во сне казалось, что всё это
 Я уже видел однажды
 (Правда, бывает и это в снах)
 И так и рассказал это
 Моей жене
 (Что видел это два раза),
 И сам верю этому,
 Хотя не могу припомнить, когда
 Я это видел и где.
 Но это всё случилось когда-то,
 Я знаю,
 И случится еще.
 Это под влиянием вина —
 Прекрасного напитка,
 От которого пахнет
 Ночной фиалкой,
 Болотным дурманом
 И сладким, захладившим душу, забвением.

Записано 18 ноября днем.

Эту запись Блок обрабатывал в течение зимы 1905—1906 г. и позже; 7 мая 1906 г. он сообщил В. А. Пясту: «...дописал поэму, о которой думал полгода» (т. VIII наст. издания). Черновик поэмы (с пометой: «Кончил 6 мая 1906») свидетельствует однако, что Блок и впоследствии вносил в него отдельные поправки. В связи с подготовкой сборника «Нечаянная Радость» Блок писал В. Я. Брюсову 17 октября 1906 г.: «Поэму „Ночная Фиалка“ я никуда не отдавал, и ужасно хотел бы, чтобы она появилась до сборника. Она мне до сих пор нравится. Если бы она могла попасть в „Весы“, я был бы очень счастлив» (т. VIII наст. издания). Стих «Опустив над работой пробор» (стр. 29) — реминисценция из А. А. Фета («Почему»): «Над работой пробор паклоня».

«Жду я смерти близ денницы...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905), — под заглавием: «Подражание». В рукописи — эпиграф из В. Брюсова: «Приходи путем знакомым...», отсылающий к стих. «Призыв», которое по цензурным условиям не вошло в сборник В. Брюсова «Urbi et Orbi» (1903), но распространилось в литературных кругах (напечатано оно было позже — «Золотое руно», 1906, № 1, — под заглавием: «Пришлица»). Сообщая свое «Подражание» С. М. Соловьеву, Блок сделал к нему примечание: «Скандировать на голос Валерия Брюсова: „Приходи путем знакомым“» (см. «Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 74). Сохранился отдельный автограф с датой: 7 февраля 1904 г. и с подписью: «Ал. Блок (Валерий Брюсов)». О своей зависимости от манеры В. Брюсова Блок писал С. М. Соловьеву (письма от 1—6 декабря 1903 г. и 8 марта 1904 г.), А. Белому (письмо от 16 мая 1904 г.) и самому В. Я. Брюсову (письмо от 23 февраля 1904 г.) — см. т. VIII наст. издания. Семенов Леонид Дмитриевич (1884—1917) — товарищ Блока по университету, поэт-символист; в 1905 г. прекратил литературную деятельность и ушел «в народ», сблизился с сектантами, позже — с толстовцами. Блок сочувственно отзывался о творчестве Л. Семенова в рецензии на его «Собрание стихов», изданное в 1905 г. (см. т. V наст. издания).

«Я восходил на все вершины...» Впервые — альм. «Корона» (1908).

«Ты оденешь меня в серебро...» Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. *Пьеро* — см. т. I наст. издания, стр. 612. *На юру* — на высоком, открытом месте.

«Фолетовый запад гнетет...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907).

В з м о р ь с. Впервые — альм. «Гриф» (1905). Первоначальный черновой текст:

Пьяный мрак одичалой весны
 Дышит с моря, где дальний маяк
 Указал морякам глубины,
 Сонно млеющий выкинул флаг,
 Где зажгется последний фонарь,
 Указав каменистую мель,
 Где слышна парходная трель,

Где по берегу стелется гарь,
 За кустами виднеется мол,
 Пропадая на устье речном, —
 Он сюда проститутку привел
 Потешаться в безлюдьи ночном.
 Ночь — проклятый колючий паук —
 Застает его в цепком кусту,
 И охваченный тысячью рук
 Ждет виденья на темном мосту.

«Я живу в глубоком покое...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черновике — другой текст пятой строфы:

И тогда он поднимет руку,
 Что сжимала века рукоять.
 Но могу ли поверить звуку
 И могу ли его принять?

В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) — помета: «Переделать».

«Поет, краснея, медь. Над горном...» Впервые — «В мире искусств» (Киев), 1908, № 1, — под заглавием: «Святой»; вторично — альм. «Пряник» (1916).

«Зажигались окна узких комнат...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В рукописи — помета: «Тогда же начата и „Осенняя воля“» (см. прим. на стр. 400).

«Всё бежит, мы пребываем...» Впервые — «В мире искусств», 1907, № 13/14; вторично — «Петроградское эхо», 1918, 11 мая. *Утренняя звезда* — образ из Апокалипсиса (II, 28).

«Нежный! У ласковой речки...» Впервые — «Слово», 1906, 6 февраля, — под заглавием: «Летний сон» и с подзаголовком: «Пастораль». В рукописи вторая половина стихотворения первоначально была совершенно иной:

Люди придут и растратят
 Золоторунную грусть...
 С ближних утесов прикатят
 Мертвые камни... о, пусть!

Проволок частые сети
 Встанут из мглы городов...
 Вырастут белые дети...
 Выйдут из хижин отцов...

Там, где и травы грустили,
Там, где бродили стада, —
В клубах удушливой пыли
Будут греметь города...

О, эти красные юбки
Женщин, зовущих на смерть!..
Но широко раскинулась бледная твердь,
Где улыбаются ангелов детские губки...

О, эти синие дали!
О, эти вещие сны!
Радуйся! Мы их встречали!
Были и мы влюблены!

Окончательный текст — январь 1906 г. *Смородский Федор* — мелкий поэт 1900-х годов, писавший также под псевдонимом: *Ф. Ладо-Светогорский*. Отрицательный отзыв Блока о книжке стихов *Ф. Смородского «Новые мотивы»* (1903) см. в «Собр. соч.», т. X, стр. 218. Лично к *Ф. Смородскому* Блок относился с симпатией и еще в 1912 г. переписывался с ним (ср. «Дневник Ал. Блока. 1911—1913», Л., 1928, стр. 19).

«Гр о б не в е с т ы л е г к о й т к а н ь ю...» Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6.

«Т я ж к о н а м б ы л о п о д в ь ю г а м и...» Впервые — «Наша жизнь», 1906, 16 апреля; вторично — «Жизнь», 1918, № 10. Предназначалось для детского букваря; в отдельном автографе, посланном издателю букваря (*В. А. Тернавцеву*) при письме от 13 октября 1904 г., озаглавлено: «Летнее утро». Третья строфа — вариант строфы из стих. 1901 г. «Встану я в утро туманное...» (см. т. I наст. издания, стр. 127).

Н о ч ь. Впервые — «Слово», 1906, 12 июня. Первоначальный набросок:

К берегам страны холодной,
В красном нимбе, сквозь туман
Ты рекою полноводной
Приплыла из дальних стран.
Челн оставила на зыби
И лугами поплыла...
И оставила на башне,
Обращенной на восток...

Утром я бродил в долине,
Незамеченный тобой,
Видел в дымке нежно-синей
. облик голубой.

Поступь медленная скажет,
Что Ей снится на пути.
Пояс царственный развяжет,
Чтобы дальше не идти.

Окончательный текст — очевидно, май или начало июня 1906 г. *Нилб* — сияние вокруг головы, изображавшееся на иконах.

«Вот — в изнурительной работе...». Впервыс — альм. «Белые ночи» (1907), — под заглавием: «Искушение»; вторично — альм. «Пряник» (1916). *Тали* — здесь: талая, оттаявшая земля.

Е е п р и б ы т и е. Первоначально все семь фрагментов этой неоконченной поэмы были напечатаны в качестве отдельных стихотворений: «Рабочие на рейде» — «Перевал», 1906, № 2; «Так было» — «Студенческая речь», 1907, 22 ноября; «Песня матросов» — «Трудовой путь», 1908, № 1 (под заглавием: «Морская песня»); «Голос в тучах» — «Трудовой путь», 1907, № 3; «Корабли идут» — «Перевал», 1906, № 2; «Корабли пришли» — «Нива», 1907, № 2; «Рассвет» — «Образование», 1907, № 11. Начиная с «Собр. стих.» II (1912) Блок объединял эти стихи под общим заглавием «Ее прибытие (Неоконченная поэма)». В рукописи озаглавлено: «Из поэмы „Прибытие Прекрасной Дамы“ (первые 7 глав)». Первоначальное заглавие третьего стихотворения: «Песня рабочих». Окончательный текст — 1918 г. В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок писал: «Я решаюсь поместить здесь эту слабую и неоконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, как посвященная разным „несбывшимся надеждам“ (по моему тогдашнему замыслу). Все ее части были напечатаны в виде отдельных стихотворений в разных журналах. Развитие той же темы — в лирической драме „Король на площади“». Образы поэмы расшифрованы в предисловии Блока к сборнику «Нечаянная Радость» (см. стр. 370 наст. тома). В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) все семь стихотворений зачеркнуты, с пометой: «Не все ли выкинуть? Псределать?» В третье издание второго тома (1916) они действительно не вошли, но были восстановлены в четвертом издании (1918). Приводим важнейшие варианты к отдельным фрагментам — строфы, радикально прсределанные или вовсе отброшенные в 1911 г.

4. Г о л о с в т у ч а х. В рукописи вместо третьей — 52—55
восьмой строф окончательного текста — следующие девять:

Усталость, усталость! Как ветер холодный
Ты нас пронизала, до боли в висках!
Мы были бы все бесконечно свободны,
Но нет — не в твоих, о безвольность, тисках!

Томимые скорбью и брови нахмуря,
Мы тяжело влеклись по песчаной тропе...
И вот, как посол нарастающей бури,
Старик незнакомый явился в толпе.

Он был исполин. На утесистой круче
Торжественный профиль возник и погас.
То молния сверкнула в разорванной туче,
А может быть — молния в расщелинах глаз.

Казалось — там с тучею туча боролась,
Но молния разбила борьбу пополам,
И в ясном разрыве послышался голос —
Простой и веселый — подобный громам.

Веселый — вещал золотую свободу,
И ночь озарилась от слов вещуна.
Слова упали, как уголья в воду,
И темное море светилось до дна.

Там змей не дремал, — но в сплетеньи узоров
Сквозь девственный лес расстился туман,
Вплетался коралл в пестроту метеоров,
Сошедших с небес в голубой океан.

Прозрачность являлась прозрачному оку,
Свобода забытых сказаний цвела,
И звук, умолкая, как в сказке далекой,
Был только беззвучным отливом стекла.

О, вы, испытавшие глуби и зыби,
С душой водолазов, с отвагой бойцов!
Для вас — на подводной сияющей глыбе —
Ключи от легенды, мечты мудрецов!

Старик ликовал. И трепалась одежда,
И голос под стонущим ветром крепчал.
Быть может — сама окрылилась надежда?
Быть может — свободу нам ветер примчал?..

6. К о р а б л и п р и ш л и. В рукописи после третьей
строфы — еще одна:

Вспоминать ночные грозы
Тяжело в закатной мгле...

Слали царственные слезы
Злой разлучнице земле.

7. Р а с с в е т. В рукописи после первой строфы—еще одна:

Медленно, млечным путем серебримы,
Грузные зыблются мерно суда.
Чутко безмолвные ждут пилигримы,
В небе и в сердце — всё та же звезда.

После шестой строфы — тоже одна:

Буйные, пестрые толпы народа
Спящих будили веселой молвой.
Все пробуждались при клике: «Свобода!»
Каждый горел предрассветной мечтой!

И, наконец, после седьмой (последней) строфы окончательного текста в рукописи имелось следующее заключение:

Светлый туман восходил в голубое,
Вспыхнуть готова — курилась заря.
О, никогда еще в радостном строе
Мы не пускались с отвагой в моря!

Там, вдалеке, — в очертаньи неясном
Сказка далеких морей расцвела.
Всё выделяясь на зареве красном,
Резво на мачтах вились вымпела.

Плыли и пели, и море пьянело.
Правящий Феб, рассекая туман,
Дале всё мчал пурпуровые стрелы,
Но не иссяк заповедный колчан.

Вот уж, клубясь, разлетались волокна.
Мы оглянулись. Вдали за кормой
В порте пылали все крыши, все окна
Пред молодой, золотою зарей!

Миг — и, сверкая безмерною славой,
Жертвенной кровью вскипели моря.
И, взлетая на гребень кровавый,
Мы увидали над морем — Царя.

И, величавым безмолвием полны,
Встретили мы на просторах морей
Строгой красой увенчавшие волны
Стройные станы больших кораблей.

Третья, пятая и шестая из этих строф были сохранены в «Собр. стих.» II (1912).

Кроме того, с замыслом поэмы «Ее прибытие» несомненно связаны следующие три наброска, относящиеся уже к 1905 г.:

〈1〉

Вёсны веют, шумят и пылят,
И, в магической глубине зажжен,
Ты горюшь, электрический взгляд
Городов и последних времен.

Над волною событий плыву,
Погружусь ли в твой траур, земля,
Или праздничный бег корабля
Унесет в синеву?

Всё бы думать, и плыть, и гореть
И с холмов наблюдать города
И не знать никогда...

〈2〉

И снова на юг корабли уходила.
И вымпел прощальный высоко взвился,
И море ласкало их темные кили,
И ветер попутный напруг паруса.

И первый, разрезав соленую влагу,
Развеял на мачте условленный флаг.
И следом другие, послушные флагу,
Один за другим огибали маяк.

И скоро исчезли в дали беспредельной
Их станы, их мачты и их вымпела.
И в ночь маяки озаряли бесцельно
Спокойную гладь водяного стекла.

〈3〉

Ноша сгибает нам плечи,
День беспощаден и пуст.
Где же вы, светлые встречи?
Где ты, закатная грусть?

Море забрызгало лица,
Руки в крови и пыли.
Смейся над нами, Царица,
Диво заморской земли!

Больше работать нет мочи —
Ярость слепит нам глаза,
Сгиньте вы, бурные ночи,
Нас обманула гроза!

М о е й м а т е р п. Впервые — «Вопросы жизни», 1905,
№ 6. Черновой набросок:

Помнишь — в город, где башни горели
 Беззакатным румянцем заката,
 Мы, что вечер, входили без цели
 И о чем-то когда-то?

Осенила нас тень лабиринта —
 Будто избранных Кто-то отметил,
 Кто-то нес — ослепительно светел —
 Впереди нас цветок гиацинта.

Отошел благодатный товарищ
 И покинул в бесцельном круженье.
 Мы смеялись, по вышли в сомненьи,
 [На родное пожарище вышли].

В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуты первая и последняя строфы, с пометой: «4 строфы. (Или всё выкинуть?)». В следующем издании второго тома (1916) стихотворение было напечатано без этих строф и с вариантом в стихах 11—12:

О стезе ослепительно-млечной,
 Где блуждали безумные дети.

«Все отошли. Шумите, сосны...» Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6.

«Шли на приступ. Прямо в грудь...» Впервые — «Наша жизнь», 1905, 26 ноября (было конфисковано полицией). Отклик на события 9 января 1905 г.

«Вот на тучах пожелтелых...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). Первоначальный набросок, датированный: «Строгий день 30 мая»:

Ночь сменила день труда.
 Над приливом и отливом
 Знаком темно-горделивым
 Начерталось: «Никогда».
 И на нивах заповедных
 свечи
 Пробежали в космах бледных
 Черной ночи трубачи.
 Разметав седые пятна,
 Заломили руки Дня.
 И стоит он — необъятный,
 Бездыханный, без огня.
 Розоперстый! Где твой пламень?!
 На пустынном берегу
 Дрёмля, «плачет серый камень»
 В заколдованном кругу.

В л ю б л е н н о с т ь. Впервые — «Золотое руно», 1906, 61—65 № 1. В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуто, с пометой: «Не выкинуть ли? Чепуха». Там же — следы начатой переработки первой строфы:

Королевна жила на высокой горе.
Под окном — на закате — мерцание лат.
И она, окрылясь, полетела за ним на закат,
. где розы цветут на вечерней заре.

Стихотворение, однако, вошло в следующее издание второго тома (1916) — может быть, под влиянием совета А. Я. Гуревич (см. письмо Блока к ней от 23 февраля 1916 г. — т. VIII наст. издания). В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок указал: «Стихотворение внушено старым замком города Friedberg'a (Hessen), описанию которого посвящена моя статья „Девушка розовой калитки и муравьиный царь“». Статью эту см. в т. V наст. издания; ср. заметку в записной книжке от 10 июля 1903 г. (т. VII наст. издания) и письмо к Л. Д. Менделеевой от 24 июня 1903 г. (т. VIII наст. издания).

«Она веселой певестой была...» Впервые — «Золотое руно», 1906, № 4. Первоначальный текст пятого двустишия (измененный лишь в 1915 г.):

И там, где юность устала ждать,
В зеркалах осталась старая мать.

В черновике — два варианта к тринадцатому двустишию:

⟨1⟩

Это лик, скрививший губ углы,
Следит за движеньем слепой иглы.

⟨2⟩

В окладе темном, как старый пруд,
Пред ликом скромным — бег минут.

«Не строй жилищ у речных излуиин...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черновике — первоначальный набросок четвертой строфы:

И никто не узнает, о чем молчанье.
Смерть придет, непонятно проста.

Ты сам завернись в свой белый саван
И, чтоб не смердело, закрой уста.

А также — отдельный набросок:

Бойся дали заманчиво-грустной,
Однозвучной мечтою живи.
Поверь, однозвучен твой будет конец.

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — писатель-символист, поэт, прозаик, драматург и критик-литературовед. Блок познакомился и сблизился с Г. И. Чулковым весной 1904 г., поддерживал с ним дружеские отношения до 1908 г.

«П о т е х а! Р о к о ч е т т р у б а...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). *Слова слаще звуков Моцарта* — цитата из либретто оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». По свидетельству А. Белого, в этом стихотворении отразились споры и наметившееся расхождение Блока с А. Белым и С. М. Соловьевым, имевшие место в Шахматове летом 1905 г., в частности — напряженное «трехдневное сражение в карты» с С. М. Соловьевым, который при этом непрестанно распевал арию Томского из «Пиковой дамы»: «Слова слаще звуков Моцарта: Три карты, три карты, три карты» («Эпопея», 1922, № 2, стр. 260—261). Интересные замечания Блока по поводу либретто «Пиковой дамы» см. в письме его к П. П. Перцову от 31 января 1906 г. (П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922, стр. 45—46; т. VIII наст. издания).

Б а л а г а н ч и к. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В рукописи это стихотворение объединено с двумя следующими («Поэт» и «У моря») общим заглавием: «Сказки» (с пометой: «Июль, после прогулки к ясени»). Есть данные, позволяющие предполагать, что Блок хотел написать целую книгу таких «сказок». В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок указал: «Развитие этой темы — в лирической драме того же имени; те же мотивы встречаются и в „Стихах о Прекрасной Даме“» (в последнем случае он имел в виду такие, например, стихи, как «Свет в окошке шатался...»).

П о э т. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черновке — вариант стихов 25—26:

Оттого, что он иногда
Не туда заходит.

Прикатили бочку,
Выпили вина
И опять смотрят
из окна.

У м о р я. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черновике после 18-го стиха («Глубь морская ее манит») — еще два:

Не хочет домой плестись,
Хочет бежать на мыс.

В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок отметил сказавшееся здесь «влияние Мэтерлинка». Впоследствии, в начале 1908 г., Блок приступил к переводу стихотворного цикла бельгийского поэта и драматурга Мориса Метерлинка (1862—1949) «Serres chaudes»; наброски этих переводов не сохранились.

М о е й м а т е р и. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черновике — первоначальный текст первой и второй строф:

Сладко поет о грядущем
Только флюгарка над бездной.
Флаг мой тихонько опущен,
Ставень захлопнут железный.

Я над тобой очарован,
Я над тобой опрокинут.
Скоро поднимется ворон,
В бездну лазурную кинут.

«Старость мертвая бродит вокруг...»
Впервые — «Слово», 1906, 20 марта. Первоначальный набросок:

Я живу в одинокой сторожке.
За лесами — крыши деревни.
Но призыв колокольни древней
Весь — в моем слуховом окошке.
[Вижу я мир мой желанный
В круге окна слухового.]

В черновике — два варианта первой строфы:

⟨1⟩

Что за стены обстали мой двор,
Что за ветки закрыли крылечко.
Я прокрался тихонько, как вор,
И пилю золотую дощечку.

Старый дом утонул в зеленах,
Захлестнулись могучие ветки.
Ветерок на моих седицах,
Тишина в моей ласковой клетке.

Кроме того, в черновике после третьей строфы — набросок еще одной:

Дикий взор захлестнула волна
Убегающих клеверных далей.
А уж там — колокольня видна...

И после четвертой строфы окончательного текста — еще одна:

Здравствуй, мгла золотая, опять!
Вот бессильные руки в морщинах,
Вот бесцельной пилы рукоять
И лицо в серебристых седицах.

Биографический комментарий к этому стихотворению, в котором отразился пейзаж Шахматова и обстановка флигеля, где жил Блок, см. в книге М. А. Бекетовой «Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930, стр. 87—88.

«В туманах, над сверканьем рос...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907).

О с е н я в о л я. Впервые — альм. «Факель» I (1906). Начато было осенью 1904 г. (см. на стр. 390 — прим. к стих. «Зажигались окна узких комнат...»). В черновиках — первоначальный текст второй строфы:

И густых рябин в проезжих селах
Красный цвет светился издали —
В эту осень, в этот день веселый,
В этих снах заманчивой земли.

И после четвертой строфы — набросок следующей, оставшейся недописанной:

Или ты, кому простил я много,
Чья со мной смеющаяся ложь —
Ты меня на дорогу

В белый день в очах проспулась мгла
И прильнула
И в камнях слова произнесла.

Там же — отдельные наброски:

Ты ли, Осень, ты ли Дева смеха,
Дева хмурых и высоких дней...

Буду петь — и будут девки плакать,
Засмеюсь — запляшут старики...

Ты милей и краше дня веселого,
Ты
Положу я, многодумный, голову,
Воля матушка! к твоим ногам.

Рогачевское шоссе — вблизи Шахматова. Тема этого стихотворения была разработана Блоком в статье 1906 г. «Безвременье» (т. V наст. издания).

«Не мани меня ты, воля...» Впервые — «Образование», 1908, № 3. Первоначальный набросок относится к июлю 1904 г. *Персть* — земля, земной прах.

«Оставь меня в моей дали...» Впервые — «Слово», 1906, 6 марта.

«Девушка пела в церковном хоре...» Впервые — «Наша жизнь», 1906, 18 февраля.

«В лапах косматых и страшных...» Впервые — «Золотое руно», 1906, № 4, — под заглавием: «Сон».

«Там, в ночной завывающей стуже...» Впервые — «Золотое руно», 1906, № 11/12. В рукописи озаглавлено: «Магическое». Первоначальный текст 10-го стиха: «Разверзающий звездную месть» (изменено в 1915 г.). В черновике — отдельные наброски:

Эти смуглые руки и плечи
Мы одни в подвале,
Тускло светится красная медь.
Вот — неси твое зарево прочь.

Истолкование этого стихотворения — в статьях Блока «Безвременье» и «О современном состоянии русского символизма» (т. V наст. издания).

«Утихает светлый ветер...» Впервые — «Весы», 1906, № 5. В рукописи — дата: «Август (21) — сентябрь». В черновике озаглавлено: «Примитивы».

«В голубой далекой спаленке...» Впервые — «Весы», 1906, № 5. В черновике — первоначальный текст второй строфы:

Всё как было. Только долгая
 Воцарилась тишина.
 И, ключами тихо щелкая,
 Дверь открылась не сама.

И строфы пятой:

И стоишь, едва заметная,
 Сон блюдешь иль ворожишь?
 Над ребенком, безрассветная,
 Опустилась низко тишь.

Это стихотворение приобрело широкую известность благодаря тому, что вошло в песенный репертуар популярного эстрадного артиста А. Н. Вертинского.

«Вот Он — Христос — в цепях и розах...» Впервые — «Весы», 1906, № 5. Черновые наброски относятся к лету 1904 г. Среди них — строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Она с тобой — твоя тихая радость,
 Но сиротлива твоя печаль,
 И тихонько поет просторная даль:
 «Кая житейская сладость».

Ср. отдельный набросок, датированный 31 октября 1905 г.:

«Кая житейская сладость» —
 Дали сказали мне синие.
 В утреннем воздухе — младость,
 Ясные, тихие линии.
 Травы проснулись и клонятся,
 Нам не надо.
 уронятся
 прохлады.

«Кая житейская сладость» — первый стих погребального тропаря, сочиненного византийским богословом Иоанном Дамаскином. В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок указал: «Стихотворение навеяно теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова». М. В. Нестеров (1862—1942) — известный художник, до революции работавший по преимуществу в области религиозной живописи; во многих его картинах тонко запечатлены поэтические образы среднерусской природы. Об *Евгении Иванове* см. т. I наст. издания, стр. 626.

«Т а к. Н е и з м е н н о в с ё, к а к б ы л о...» Впервые — «Весы», 1906, № 5. В черновике — помета: «Перед конституцией. 10 окт.».

«Прискакала дикой степью...» Впервые — 86—91
«Нечаянная Радость» (1907). В рукописи — первоначальный
текст пятой строфы:

И среди пустого луга
Любишь даль дивить красой
Стана, стянутого туго
Красной ленты полосой.

Бред. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). Оконча-
тельный текст — 1915 г., когда были отброшены две строфы.
Одна — после четвертой:

Я взором измерил холмы...
Какая щемящая боль!..
Я знал, на исходе зимы,
Наверное, встретимся мы.

Другая — после шестой:

Тогда испугалась зима,
Как я этой боли боюсь...
Открылась вершина холма,
Зажглась заревая кайма...

Сказка о петухе и старушке. Впервые —
«Наша жизнь», 1906, 8 февраля.

«Милый брат! За вечерело...» Впервые — альм.
«Корабли» (1907), — под заглавием: «Брату» и с пометой: «Ст<ан-
ция> Ланская Финл<яндской> ж. д.». В рукописи озаглавлено:
«Боре» (то есть Б. Н. Бугаеву — Андрею Белому). В сборнике
«Земля в снегу» (1908) — заглавие: «О несказанном» и эпитафия
из Вл. Соловьева («У себя»):

В царство времени всё я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

Смысл эпитафия проясняется, если учесть, что в 1908 г. Блок
был в личной и литературной ссоре с А. Белым. Об этом стихо-
творении см. в воспоминаниях А. Белого о Блоке («Записки меч-
тателей», 1922, № 6, стр. 52; «Эпопея», 1922, № 1, стр. 205, и № 3,
стр. 141—142). Стихи 15—16 имеют ближайшим источником
«Драматическую симфонию» А. Белого (М., 1902, стр. 141): «Это
будут новые времена и новые пространства». Сестра — Л. Д. Блок,
жена поэта.

«Ты придешь и обвинишь...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В рукописи — помета: «Наброшено весной 1905 г.». В черновике после второй строфы — еще одна:

И дремотно встанем
Над старинной землей
В голубом тумане
Серебристой звездой.

«Мы подошли — и воды синие...» Впервые — «Слово», 1906, 20 марта. В рукописи — помета: «Наброс(ано) летом 1905. Оконч(ено) 25 янв(аря) 1906». *Скинния* — здесь в значении: храм. *Кимвалы* — музыкальный ударный инструмент, состоящий из двух металлических тарелок.

В е р б о ч к и. Впервые — «Тропинка», 1906, № 6, — под заглавием: «Вербная суббота». В рукописи после второй строфы зачеркнуты еще две (с пометой: «Не синодально»):

И на сонной улице
За углом целуются
Невеста и жених.

Огонек, не гасни-ка,
Быть бы нам у праздника,
Не взглянуть на них!

Помета объясняется тем, что стихотворение предназначалось для детского букваря, готовившегося по заказу церковного ведомства (Святейшего Синода).

И в а н о в а н о ч ь. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). Отзвук народно-поэтического предания о цветах папоротника, появляющихся только в так называемую Иванову ночь (с 23 на 24 июня старого стиля), когда в деревнях праздновался древний, идущий с языческих времен, народный праздник Купала. «В волшебстве том — музыкальное сочетание слов из стихотворения Фета» (прим. Блока в «Собр. стих.» II (1912), — очевидно, имеется в виду стих. А. А. Фета «О. М. Соловьевой», где слово «волшебство» употреблено с ударением на втором слоге: «И кисть твоя волшебством разгадала...»)

С о б л ь в е й г. Впервые — «Слово», 1906, 18 апреля. В «Собр. стих.» II (1912) Блок указал, что драматической поэмой нор-

вежского писателя Генрика Ибсена (1828—1906) «Пер Гюнт» «навеваны и женственный образ Сольвейг и другие образы этого стихотворения». Женское имя *Сольвейг* в буквальном переводе с норвежского означает: «Солнечный путь». См. также стих. «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..», написанное в декабре 1906 г. (стр. 126 наст. тома). *Городецкий* Сергей Митрофанович (род. в 1884 г.) — поэт и беллетрист, примыкавший к символистам, впоследствии к акмеистам; Блок поддерживал с ним дружеские отношения в 1905—1908 гг.

«Ты был осыпан звездным цветом...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907), — под заглавием: «An Hans Guenther». *Гюнтер* Ганс — немецкий поэт, принадлежавший к кружку учеников символиста Стефана Георге; одно время жил в Петербурге; первый переводчик стихов Блока на немецкий язык. В 1947 г. в Мюнхене вышел в свет большой сборник произведений Блока (лирика, «Двенадцать», лирические драмы) в переводе Г. Гюнтера и с его обширной статьей о Блоке, основанной отчасти на личных воспоминаниях.

«Прошли года, ноты — всё та же...» Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 12. Окончательный текст — сентябрь 1906 г. Эпиграф — из стих. Ф. И. Тютчева «Я знал ее еще тогда...»

А н г е л - Х р а н и т е л ь. Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 6, — без четвертой строфы. В сборнике «Земля в снегу» (1908) — без четвертой, седьмой, восьмой, девятой, десятой и одиннадцатой строф и с эпиграфом из Вл. Соловьева («Я добился свободы желанной...»): «Мой жестокий, мой сладостный друг». В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуты строфы третья, пятая, восьмая, девятая и десятая, — с пометой: «Переделать». Без этих строф вошло в третье издание второго тома (1916). В следующем издании (1918) Блок вернулся к первоначальному тексту. В рукописи после десятой строфы—еще одна:

Кто деньги дает за свободу мою,
Кого я душой — не рукою убью.

Стих 22 первоначально читался так:

Что предки мои были стадо рабов.

Стихотворение было написано в третью годовщину свадьбы Блока и обращено им к жене — Л. Д. Блок (известен автограф, оза-

главленый: «Любе», — собрание В. Н. Орлова). По докладу цензора Н. Лебедева, который охарактеризовал это стихотворение как пропикнутое «революционной тенденцией» и «воспевающее, в сущности, хотя и в несколько туманной форме, политическое убийство» (имелся в виду стих «За то, что хочу и не смею убить»), номер журнала «Трудовой путь», где оно было напечатано, подвергся конфискации, а против редактора журнала Главным управлением по делам печати было предпринято судебное преследование за «возбуждение к тяжким и преступным деяниям» (см. О. Цехговицер. Символизм и царская цензура.— «Ученые записки ЛГУ», № 76, Л., 1941, стр. 293).

«Есть лучше и хуже меня...» Впервые — альм. «Цветник ор» (1907), — под заглавием: «Завет»; вторично — «Знамя труда» (Временник), 1918, № 2.

«Шлейф, забрызганный звездами...» Впервые — альм. «Корабли» (1907), — под заглавием: «Деве Млечного Пути».

Русь. Впервые — «Золотое руно», 1907, № 6. В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпитафия из Ф. И. Тютчева («Эти бедные сселя...»):

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

В «Собр. стих.» II (1912) сопровождается примечанием: «„Мутный взор колдуна“, чарование злаков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом лезвие ножа на изменившего милого, — все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний, — см. мою статью „О заговорах и заклинаниях“ (указанную статью см. в т. V наст. издания).

Сын и мать. Впервые — альм. «Белые ночи» (1907). Первоначальный текст:

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный!
Только б радость перенести!

Только б к матери оставленной
Донеслась о сыне весть!

Вот в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
Золотые небожители

Держат путь свой по земле.
Путь свершают очистительный, —
Сына встретили во мгле.

Пегухи поют к заутрене,
Ночь бледнеет и бежит.
Легкий рой обманов утренних
За спиной ее летит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов.
Покачнулись над трясинами
Сонмы бледных двойников.
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков.

Вот он — сын мой — в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Вкруг него — иные облики —
Небожители, цари.
Сыплет он стрелами колкими
В перелесья, в пустыри!..

Угнездились в поры душные,
Уползли в лесные рвы.
Веет утренник воздушный
От небесной синевы.
Сын бросает меч послушный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
«Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной, туманной мглы!
Здравствуй, сила, побежденная
Острием моей стрелы!»

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

В сердце матери оставленной
Золотая рана есть.
Вот он, сын мой, окровавленный!
Он принес победы весть!
Умер сын мой, сын прославленный, —
Только б радость перенести!

110— В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) — помета:
114 «Оказывается, в то время я не умел выдержать почти ни одного
длинного стихотворения! (4.III.1915)».

«Нет имени тебе, мой дальний...» Впервые —
«Золотое руно», 1907, № 2. В черновике — первоначальный текст
пятой строфы:

И вздохи тихие звучали,
Лампада теплилась в углу,
И я гуляла в тихом зале,
Скользя на лаковом полу.

И после седьмой строфы окончательного текста — наброски еще
трех строф:

Но
Над садом опускалась тень
И песни грустные звучали
Из посиневших деревень.

Еще — последние пожатья,
И губы томные твои,
Коснувшись только складок платья,
Шептали что-то в забытыи.

Но вслед передвечерней тени
В меня вступала тишина,
И с верхней узенькой ступени
Я улыбалась из окна.

У г а р. Впервые — альм. «Белые ночи» (1907). В рукописи
каждая строфа состояла из шести строк. Здесь между строками
(окончательного текста)

4 и 5 — Только помните гробы,
7 и 8 — Пбим сладостным питьем.
12 и 13 — Начинается игра!
20 и 21 — Утро близится! Скорей!
22 и 23 — Царь отходит умирать!
27 и 28 — Занимается денск.

Стихира — церковное песнопение на библейские мотивы.

Т и ш и н а ц в е т е т. Впервые — альм. «Белые ночи»
(1907), — под заглавием: «Надпись на книге стихов» и с допол-
нительной строфой (между пятой и шестой строфами оконча-
тельного текста):

Когда река ладью качала,
И томно цела быстрина, —

То глубина вас обнимала,
Вас целовала тишина.

115—
117

Под «кпшгой стихов», очевидно, имелся в виду второй сборник лирики Блока «Нечаянная Радость», вышедший в свет в декабре 1906 г. В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуто с вопросительным знаком и пометой: «Выкинуть». В третье издание второго тома (1916) не вошло.

«Т а к о к р ы л е н н о , т а к н а п е в н о . . . » Впервые — альм. «Белые ночи» (1907). Здесь после второй строфы—еще две:

И я сошел тропой уклонной
И слушал, опершись на меч,
Обет царевны благосклонной,
Ее торжественную речь:

«Иди, иди, мой рыцарь дольний,
Куда ведет тебя весна,
Где безначальной, безглагольной
Твой путь — певучая струна».

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Прости». Окончательный текст — 1915 г. Стихотворение это отдельными образами связано с «Легендой о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» Виктора Гюго, которая, по словам Блока, «помогла» ему «полюбить средние века в дни его молодости» (см. его предисловие к русскому переводу «Легенды» — «Собр. соч.», т. XI). В статье 1906 г. «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» Блок почти дословно повторил заключительную строфу этого стихотворения (см. т. V наст. издания).

«Т ы м о ж е ш ь п о т р а в е з е л е н о й . . . » Впервые — альм. «Белые ночи» (1907). В черновике — отдельные наброски:

В глазах туманных и бездопных
Условный знак прочесть.

Ты можешь вечером смеяться,
А утром строгой быть.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Мещанке».

«И щ у о г н е й — о г н е й п о п у т ы х . . . » Впервые — «В мире искусств», 1907, № 11/12, — под заглавием: «Колдунья». В рукописи после пятой строфы — еще две:

В твоём окне мелькает бледный
Тройной огонь высоких свеч,

И зелий запах заповедный
Лежит на матовости плеч.

Ты для меня огни палила,
И, обнаженная, ждала,
И чары темные творила,
И бледной ночи предала.

Строфы эти зачеркнуты, первая — с пометой: «Неужное», вторая — с пометой: «Не мое» (эта строфа напоминает стихи Ф. Сологуба). *Золотой* — золотая монета, червонец; в данном случае — месяц.

Проклятый колокол. Впервые — «Русь», 1907, 18 июня (Приложение № 23). Здесь стихи 13—14 читаются так:

Кто пройдет по болоту ночью тропой?
Кто рассеет его чародейный туман?

Окончательный текст — 1917 или 1918 г.

«О жизни, догоревшей в хоре...» Впервые — «Золотое руно», 1907, № 2, — под заглавием: «Молитва». *Клирос* — место в церкви, где располагаются певчие (на амвоне). *Амвон* — возвышение в церкви перед иконостасом.

«В синем небе, в темной глубине...» Впервые — «Нива», 1908, Литературное приложение № 5, — под заглавием: «В синем небе».

Б а л а г а н. Впервые — «Образование», 1907, № 3 (под заглавием: «На пути», данным без ведома Блока редактором литературного отдела «Образования» М. П. Арцыбашевым). Эпиграф — из пьесы А. Дюма «Кин, или Гений и беспутство». *Кин* Эдмонд (1787—1833) — английский драматический актер, прославившийся в ролях шекспировского репертуара. *Арлекин*, *Пьеро* и *Коломба* — см. т. I наст. издания, стр. 612.

«Твоя гроза меня умчала...» Впервые — «Нива», 1907, Литературное приложение № 3; вторично — «Знамя труда», 1918, 1 июня.

«В час глухой разлуки с морем...» Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 5.

«С б л ь в е й г! О, С б л ь в е й г! О, С о л н е ч н ы й П у т ь!..» Впервые — альм. «Проталина» (1907). В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуто, с вопросительным знаком и пометой: «Переделать. Вовсе это не „Сбльвейг“». В третьем издании второго тома (1916) не вошло. *Тролли* — в скандинавской мифологии фантастические существа: великаны и карлики, ведьмы и волшебники и т. п. Ср. на стр. 98 наст. тома стих. «Сбльвейг» и прим. к нему.

«В с е р е б р е р о с ы т р а в а...» Впервые — «Новый журнал для всех», 1909, № 12, — под заглавием: «Заклинание». В черновике после второй строфы — еще три:

Здесь — мерцанье бледных рос,
Здесь — тяжелый холод кос.
Там — цветенье лунных роз —

Бледных роз моих ночей,
Черных роз твоих очей.

Злак холодный певельни,
От бессмертья отдохни.
Разомкни уста твои.

И после четвертой строфы окончательного текста — еще одна:

Обойми змеей-рукой,
Волю мне твою открой:
Буду мертвым я с тобой.

Окончательный текст — 1918 г.; к этому году относится один из черновиков, снабженный пометой: «Опять за это».

У с т а л о с т ь. Впервые — альм. «Цветник ор» (1907). В сборнике «Земля в снегу» (1908) — латинский эпиграф: «Noli me tangere, Maria» («Не тронь меня, Мария»); по евангельской легенде («От Иоанна», XX, 17), с этими словами обратился к Марии Магдалине воскресший Христос.

«П р и д у т н е з а м е т н ы е б е л ы е н о ч и...» Впервые — альм. «Цветник ор» (1907), — под заглавием: «Белые ночи».

«З а ч а т ы й в н о ч ь, я в н о ч ь р о ж д е н...» Впервые — «Золотое руно», 1907, № 6. Здесь после пятой строфы — еще одна:

Потом иные кандалы
Надели на меня,
Швырнули в темные углы
И не дали огня.

В рукописи после одиннадцатой строфы — еще одна:

И я метелью оглушен,
По-новому влюблен.
Куда идти? Повсюду он —
Мне не знакомый звон!

В черновике (с пометами: «Конч(ено) 12 апреля» и «Не для концерта ли завтра?») — многочисленные варианты. Здесь после первой строфы окончательного текста шли две следующие:

И ночь, зевая, отошла,
И серый день повлек
Однообразные дела,
Которым имя — Рок.

Ребенком я любил играть,
А юношей — бродить,
Ловить и долго развивать
Одну и ту же нить.

После седьмой строфы окончательного текста в черновике идут наброски следующих строф:

Я молод был — и был мой пыл
Как звоны встречных льдин.
Я, как весенний ветер, был
Над миром господин.

Я ждал
Но день не вскрыл лица,
И вспухла синяя река,
Как тело мертвеца.

И льды, крутясь, неслись во мрак,
В сырую мглу и мрак,
И их встречал, дробя, маяк
. знак.

В ту ночь, когда седая мгла,
Сквозь мглу и темноту
Та — Незнакомая — пришла
И стала на мосту.

Сказала (голос был певуч):
«Ты видишь там огни,

Ты видишь ключья туч?
Ты понял: мы одни».

И я увидел два костра —
. сонных дрём,
И взора темная игра
Сказала: «Мы вдвоем».

Она сказала: «Я с тобой.
Я не нарушу мглы».
И вот она за мной, со мной
.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Судьба» и эпиграф из драмы Л. Н. Андреева «Жизнь Человека»: «Не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем». В последнем издании второго тома (1918), очевидно по недосмотру, не было соблюдено деление на строфы.

«С каждой весной пути мои круче...»
Впервые — альм. «Белые ночи» (1907), — под заглавием: «Белые ночи».

Девушке. Впервые — альм. «Шиповник» III (1908).

«Когда я создавал героя...» Впервые — «Текущая жизнь», 1909, № 1; вторично — «Знамя труда», 1918, 11 мая. В рукописи — помета: «По дороге в Киев».

«Всюду ясность божия...» Впервые — «Столичная почта», 1908, 2 марта. В рукописи — помета: «По ж<елезной> д<ороге> в Киев (октябрь 1907) — Ревель (февраль 1908)», указывающая на время окончательной обработки текста.

«Она пришла с заката...» Впервые — «Образование», 1908, № 2, — под заглавием: «Пришлица».

«Я миповал закат багряный...» Впервые — «Образование», 1908, № 6, — под заглавием: «Вечная встреча». В рукописи дата уточнена: «Пбг. — Ревель. Октябрь <1907> — февраль <1908>». В авторском экземпляре «Собр. стих.» III (1912) 8-й стих переправлен: «И перьев траурный каскад». В черновиках это стихотворение связано со стих. «Перехожу от казни к казни...» (стр. 274 наст. тома), написанным в октябре 1907 г.

«Твое лицо мне так знакомо...» Впервые — «Образование», 1908, № 9/10, — под заглавием: «К неизвестной». В черновики — отброшенное окончание:

Быть может, на другой могиле,
Быть может, в городской пыли...
Ты — отзвук стародавней были,
Ты — ласточка чужой земли...

ГОРОД

П о с л е д н и й д е н ь. Впервые — «Перевал», 1907, № 7. Здесь после четвертой строфы — еще одна:

И внезапно — быстрее вьюги, ярче пожара,
Будто луч высокий разбил упорный лед:
Выпрямилась женщина, свободна от угара,
И в окне под обнаженной рукой зазял пролет.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — дата: «1904 г. Январь» и эпиграф из «апокалиптического» стих. В. Я. Брюсова «Конь Блед»: «Люди! Вы ль не узнаете божией десницы?» В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок отметил сказавшееся здесь «влияние „Коня Бледа“ В. Брюсова». Окончательный текст — 1915 г. В рукописи было посвящено Е. П. Иванову (см. о нем т. I наст. издания, стр. 626).

П е т р. Впервые — альм. «Белые ночи» (1907) вместе со следующим стихотворением («Поединок»), под общим заглавием: «Петербургская поэма», с посвящением Е. П. Иванову и с эпиграфом из «Книги Бытия» (Библия):

Той твою блюсти будет главу,
и ты блюсти будешь его пяту.

В рукописи, первоначально озаглавленной: «Город говорит», вместо двух первых строф окончательного текста было три следующих (речь шла от первого лица — от лица «Города»):

Я сплю, пока закат румян,
Пока Петра алеют латы,
Пока я сном вечерним пьян,
Ночной потехою чреватый.

Но конь шагнет — и до утра
Свободен змей играть над нами:

В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

144—
146

Проснусь и я. В глазах царя
Прочту проклятые заветы.
Ты, Петербургская заря!
Буди в иных сердцах ответы!

(Далее: «Зажгу цепочки фонарей» и т. д.). Первоначальный текст заключительного двустишия:

Как встарь, заставит смолкнуть речь
Рукой, простертой над столицей.

Полный текст «Петербургской поэмы» опубликован в «Письмах Ал. Блока к Е. П. Иванову», М.—Л., 1936, стр. 99—102. В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок указал, что это стихотворение «внушено» ему памятником Петру I работы Э. Фальконе на Сенатской площади в Петербурге («Медный всадник»). В целом «Петербургская поэма» тесно связана со статьей Е. П. Иванова «Всадник» (альм. «Белые ночи», 1907), в которой в апокалиптических образах раскрывается тема Петербурга как «страшного мира»,

П о е д и н о к. Впервые — альм. «Белые ночи» (1907) вместе с предыдущим стихотворением («Петр»), под общим заголовком: «Петербургская поэма» (см. прим. к «Петру»). В рукописи — первоначальное заглавие: «Борьба». Этого стихотворения касается в своих «Воспоминаниях об Александре Блоке» С. М. Соловьев, рассказывая о поездке Блока в Москву в январе 1904 г.: «Блок вернулся в Петербург завзятым москвичом. Петербург и Москва стали для него символами двух непримиримых начал. Все в Москве ему нравилось... Вскоре после возвращения в Петербург Блок написал длинное стихотворение, где изображалась борьба Петербурга с Москвой, антихриста Петра I с патроном Московской Руси — св. Георгием Победоносцем, кончающаяся победой „светлого мужа“ и явлением „Девы алых вечеров“. Блок остался недоволен этим стихотворением, находил его искусственным и наивным» («Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 24—25). *Вечерница* — вечерняя звезда, всерняя заря.

О б м а н. Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Очевидно, это стихотворение ближайшим образом имел в виду Блок, когда писал С. М. Соловьеву (8 марта 1904 г.): «Пишу стихи длинные, часто совершенно неприличные, которые, однако,

^{148—}₁₄₉ правятся мне больше прежних и кажутся сильнее. Не ругай за неприличье, сквозь него во мне *все то же*, что в прежнем „расплывчатом“, но в формах крика, безумий и часто мучительных диссонансов» («Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 73).

«Вечность бросила в город...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В черновике — наброски окончания:

Я иду переулком
В сизый, сизый гуман.
В этом воздухе гулком
Притаился обман.

Веют в лицах — раздумья,
[Городская тоска].
Вот краснеет колдунья
За углами домов.

Пылью снежных насмешек
Обдают мудреца.

Смех и говор

Там же — отдельные наброски:

Голосит гудок фабричный.
На закате — олово.
Гость вечерний, гость привычный
В дверь просунул голову.

Пламенеет в кустарнике
Оловянный закат.

В рукописи — помета: «Первый сборник — до сих пор».

«Город в красные пределы...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Здесь после второй строфы — еще одна:

Целомудренные лица
Кажут белый ряд зубов.
В каждой девушке — блудница,
В каждом помысле — альков.

Альков — в широком значении: спальня. Окончательный текст — 1915 г. Во всех публикациях, кроме последней, было посвящено Е. П. Иванову (см. о нем т. I наст. издания, стр. 626). Образы этого стихотворения перешли в статью 1906 г. «Безвременье» (т. V наст. издания).

Вдохновенная Сибилла!
Все должны с тобою пасть!
Взору смерти — взор ответный!

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой!
Буду пьян вечерней думой!
Встану в очередь с тобой!

Сибилла (спвилла) — пророчица, гадалка.

«Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...»
Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черновике после второй строфы — набросок еще одной:

Стою перед ней, онемев,
Вот жду
Прозвучал чародейный напев, —
Улетел за дождливую мглу.

«День поблек, изящный и невинный...»
Впервые — «Нечаянная Радость» (1907), — под заглавием: «A l'ombre» («В тени»). В рукописи — первоначальный текст первого двустишия:

День бродила с песнью длинной.
Вечер посмотрел сквозь кружева,

а также — второй строфы:

Встала в легкой паутине,
Заструилась в зеркалах.
Из причудливых растений
Целовал.

«В кабаках, в переулках, в извивах...»
Впервые — «Весь», 1906, № 5. В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуты стихи 1 и 4, с вопросительным знаком и пометой: «№3. Придется оставить».

«Барка жизни встала...» Впервые — «Наша жизнь», 1905, 26 ноября (было конфисковано полицией, о чем имеется помета Блока в рукописи).

«Улица, улица...» Впервые — «Час», 1907, 21 ноября. В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Улица ночью».

П о в е с т ь. Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 4/5. ¹⁶³⁻
В черновике, датированном 30 января 1905 г., три последова- ₁₆₇
тельных варианта первой строфы:

⟨1⟩

На балконе из-под легкой дымчатой вуали
Ты проникла взором сети тонкого дождя.
Проходили многие — и медленно качали
Спины с грузом вечера, забвенья и дождя.

⟨2⟩

На балконе — в сети тонкой дождевой вуали
Опустила ты, высокая, печаль своих ресниц.
Проходили многие — и спины их качали
Грузы вечера, забвенья, стертых лиц.

⟨3⟩

На балконе под легкой вуалью
Ты смотрела упорно вниз.
Заколдованы осенней умирающей печалью,
Возникали, исчезали толпы серых лиц.

Там же — первоначальный набросок седьмой строфы:

Подняла к балкону взоры
Проститутка в багровом плаще,
И встретился взгляд со взглядом
Посредиэтажей.

О Г. И. Чулкове см. выше, стр. 398.

«И д у — и в с ё м и м о л е т н о...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). Как выясняется из неизданного письма Блока к К. А. Сюннербергу от 9 июня 1912 г. (ИРЛИ), в 5-м стихе слово «подворотни» Блок читал с ударением на первом слоге (пóд-воротни), рифмуя его с «оборотни».

П е с е н к а. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907).

Л е г е н д а. Впервые — альм. «Шиповник» II (1907), — без девятой строфы. В рукописи — зачеркнутое посвящение А. М. Ремизову (см. о нем выше, стр. 382) и эпиграф: «В весеннюю полночь колдунья увела девушку за город и там

¹⁶⁹—
¹⁷² слала с рук на руки Чорту. Но Ангел Утренней Грозы восхитил ее к себе. (Из латинской рукописи XVI века)». Об этом стихотворении Блок писал А. М. Ремизову 27 июля 1905 г.: «Стихотворение, которое Вам читал и хотел посвятить, хочу переделать и подчистить» («Литературный современник», 1933, № 5, стр. 142).

«Я в а м п о в е д а л н е з е м н о с...» Впервые — альм. «Белые ночи» (1907). В рукописи — первоначальный текст 11-го стиха: «Глупцы, покинувшие склепы!»

Н е в и д и м к а. Впервые — альм. «Белые ночи» (1907), — с другой последовательностью строф. В рукописи после второй строфы — еще одна:

Запачкав мечтой небеса,
Ласкает вечернюю прелесть,
И слышит в тени голоса, —
И шопот, и вздохи, и шелест.

И после четвертой строфы — еще две:

Она и в пожарном дыму,
И в храме, просящем о мире,
И в каждом публичном доме,
И в каждой несветлой квартире.

Бессилен домашний уют,
Очаг отпылавший дымится.
По улицам — тени плывут,
Меж них — Невидимка вертится.

Красный фонарик — опознавательный знак дома терпимости.
На Звере Багряном Жена — образ «Великой блудницы» (развращенного Вавилона) в Апокалипсисе (XVII, 3).

М и т и г. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черповике — еще две строфы. Одна — после пятой:

А за стеной солдаты дрогли,
Мерцали огоньки,
И в дождевой пыли намокли
Готовые штыки.

Вторая — после седьмой:

И ночь накрыла пастью черной
Взметнувшийся хаос.

В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок отметил сказавшееся в «Митинге» влияние «Баллады Рэдингской тюрьмы» английского поэта Оскара Уайльда (1856—1900) в русском переводе К. Д. Бальмонта.

«В и с я н а д г о р о д о м в с е м п р и н ы м...» Впервые — «Наша жизнь», 1905, 26 ноября (было конфисковано полицией). В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) — пометы: «Переделать или выкинуть» и (к последней строфе) «Плохо выражено». Это стихотворение, как и следующее («Еще прекрасно серое небо...»), было написано в день опубликования царского манифеста о «даровании» конституции, которую Блок по справедливости оценил как обман свободолюбивых чаяний и надежд народа. *Город всемирный* — Петербург. *Предок царственно-чуждый* — памятник Петру I («Медный всадник»).

«Еще прекрасно серое небо...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). См. предыдущее примечание. Блок писал Е. П. Иванову 16 октября 1905 г.: «На Зимнем дворце теперь можно наблюдать на крыше печального латника с опущенным мечом. Острый профиль его грустит на сером небе. Петербург упоительнее всех городов мира, я думаю, в эти октябрьские дни» (т. VIII наст. издания).

«Ты проходишь без улыбки...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907), — под заглавием: «Романсего». В рукописи после седьмой строфы — еще одна:

И смотрю, как дождик сеет,
Как под холодом и ветром
Робко обняли колонну
Руки зябкие мои.

В черновике, кроме того, еще одна строфа — после третьей строфы окончательного текста:

Сколько материнской ласки
В этом женственном движении,
Сколько кротости смиренной
В голубых его очах!

К стихам 5—6. В записной книжке Блока от 1902 г. есть такая запись (под 22—23 августа): «Отдаленное сходство в чертах богородиц и проходящих жещин».

Перстень-Страданье. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). Здесь после пятой строфы — еще одна:

— Что я могу для тебя, мой любимый?
Я, сирота, пред тобой не солгу.
Как матушке, всё открой мне, родимой:
Перстень-Страданье тебе сотку.

В рукописи — отброшенное окончание:

Сердце мое, приживальщик убогий!
Слушай же девичью песню, вникай!
После, коль можешь, зловонной дорогой
Снова шататься и плакать ступай!

Только не смей разрыдаться у окоп.
Здесь тишина. Здесь святыня жива.
Низко спустился задумчивый локон...
Нищий! Не смей нарушать Торжества!

Окончательный текст — 1915 г.

Сытые. Впервые — «Наша жизнь», 1905, 23 ноября.
В рукописи после пятой строфы — еще одна:

Но, потеряв свое приволье,
Они питают рабский страх, —
И вот — бичуют своеволье
В холодных и пустых домах.

В рукописи — помета: «Скверное стихотворение». В прим. в «Собр. стих.» II (1912) Блок указал, что это стихотворение «внушено октябрьскими забастовками 1905 года в Петербурге». В частности, тогда бастовала столичная электростанция.

«Лазурью бледной месяц плыл...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В рукописи — помета: «Января 1905—〈190〉6 г.».

«Твое лицо бледней, чем было...» Впервые — альм. «Корабли» (1907), — под заглавием: «Незнакомке». Здесь после второй строфы — еще одна:

Сегодня ты меня заметишь,
Ты роковую связь поймешь
И черным взором мне ответишь,
Змеиным шелестом солжешь.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпитафия: «Глухие тайны мне поручены», взятый из стих. Блока «Незнакомка» (стр. 185

паст. тома). В содержании «Собр. стих.» II (1912) озаглавлено: «Встреча». В авторском экземпляре этого издания имеется помета: «Сократить».

Н е з н а к о м к а. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В «Собр. стих.» II (1912) сопровождается прим.: «Развитие темы этого и смежных стихотворений — в лирической драме того же имени» (под «смежными стихотворениями» имелись в виду: «Там дамы щеголяют модами...», «Твое лицо бледней, чем было...», «Там, в ночной, завывающей стуже...» и «Шлейф, забрызганный звездами...»). Ср. статью Блока 1910 г. «О современном состоянии русского символизма» (т. V наст. издания). Есть сведение, что Блок хотел опубликовать «Незнакомку» в журнале политической сатиры «Адская почта», выходившем в 1906 г. (см.: В. Шкловский. К теории комического. — «Эпопея», 1922, № 3, стр. 58). *Чуть золотится крендель булочной...* — В дореволюционное время вывески булочных украшались золоченым изображением кренделя. *Озерки* — пригородная дачная местность под Петербургом. Интересные данные о «Незнакомке» содержатся в неизданном дневнике Е. П. Иванова (копия в собрании В. Н. Орлова). Здесь под 9 мая 1906 г. записано, как в этот день Блок повез Е. П. Иванова в Озерки: «Пошли на озеро, где „скрипят ключины“ и „визг женский“... Потом Саша с какой-то нежностью ко мне, как Вергилий к Данте, указывал на позолоченный „крендель булочной“, на вывески. Все это он показывал с большой любовью, как бы желая ввести меня в тот путь, которым велся он тогда, в тот вечер, как появилась „Незнакомка“. Наконец, привел на вокзал Озерковский... Из большого венецианского окна видны „шлагбаумы“, на все это он указывал по стихам. В окне видна железная дорога... Поезда часто проносятся мимо... Зеленющий в заре кусок неба то закрывается, то открывается. С этими пролетающими машинами и связано появление в окне незнакомки...» О том, как Блок в первый раз читал «Незнакомку» в кругу литераторов, вспоминает К. И. Чуковский («Из воспоминаний», М., 1959, стр. 371—372).

«Т а м да м ы щ е г о л я ю т м о д а м и...» Впервые — «Собр. стих.» II (1912), — под заглавием: «Незнакомка (Вариант)». В рукописи — помета: «(Апрель 1906) — 28 IV 1911. При составлении 2-го изд(ания) „Нечаянной Радости“». *Лицеист* — ученик Александровского лицея в Петербурге, привилегированного

189—
197 учебного заведения; слово «лицеист» стало нарицательным, обозначая представителя светской лощеной молодежи. Блок близко наблюдал быт лицеистов, поскольку в 1910—1912 гг. жил по соседству с Лицеом (ср., например, запись в дневнике от 19 октября 1911 г. — т. VII наст. издания).

«Передвечернюю порою...» Впервые — «Одесские новости», 1908, 7 февраля, — под заглавием: «Видение»; вторично — «Слово», 1908, 29 июня.

Холодный день. Впервые — «Образование», 1908, №3. В черновике после четвертой строфы — набросок еще одной:

Что ж? Отвори святые двери,
Чтоб в дом твой улица вошла,
Чтоб звери
. разбили зеркала.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпитафия из Г. Гейне («Романцер», кн. II — «Ламентации», 4 — «Умирающий», — в переводе М. Л. Михайлова):

Солнца, счастья шел искать...
И белье и упованья
Истаскал в своем скитанье.

В октябре. Впервые — «Перевал», 1907, № 7. В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) — помета: «Остается по-старому».

«К вечеру вышло тихое солнце...» Впервые — «Земля в снегу» (1908), — под заглавием: «После ночной попойки». Окончательный текст — февраль 1907 г.

«Ночь. Город угомонился...» Впервые — «Земля в снегу» (1908), — под заглавием: «Ночной разговор» и с эпитафией из эпиграммы Платона «'Αστέρων ἐισαφρεῖς, Ἀστὴρ ἕμος» («Ты смотришь на звезды, Звезда моя!»). Окончательный текст — февраль 1907 г.

«Я в четырех стенах — убитый...» Впервые — «Русь», 1907, 26 мая (Приложение № 20). В сборнике «Земля в снегу» (1908) — под заглавием: «В четырех стенах» и без заключительной строфы. В черновике после первой строфы — еще одна:

Он — мой двойник и мой союзник,
С ним я грущу и вижу сны,

И он — такой же грустный узник
Своей бездонной глубины.

198—
204

О к н а в о д в о р. Впервые — «Золотое руно», 1907, № 6.
В черновике вместо заключительной строфы окончательного
текста — две следующие:

Посмотрит и спросит прохожий:
Кто там — за широким окном,
На утренний призрак похожий,
Зачем он так бледен лицом?

И некому будет ответить,
Посмотрит, забудет, пройдет,
И будет по-прежнему светить
Мне солнечный мертвый восход.

«Х о ж у , б р о ж у п о н у р ы й...» Впервые — «Трудовой
путь», 1907, № 10, — под заглавием: «Старые мысли».

П о ж а р. Впервые — альм. «Жизнь» (1908). Здесь — перво-
начальный текст заключительной строфы:

Призрак дальнего восстанья
Ослепил и ускользнул...
Стихли крики. Гаснут зданья.
Мертвый город обманул.

К 1917 г. относится новый вариант этой строфы:

Словно шум и лязг прибора,
Всколыхнувшего в тиши
Вековое, роковое
Человеческой души!

Окончательный текст — 1917 г.

«Н а с е р ы е к а м н и л о ж и л а с ь д р е м о т а...»
Впервые — альм. «Проталина» (1907); вторично — альм. «Пры-
щик» (1916).

«Т ы с м о т р и ш ь в о ч и я с н ы м з о р я м...»
Впервые — альм. «Белые ночи» (1907). В рукописи после четвер-
той строфы — еще одна:

За кем плетешься ты, бродяга?
Чей плащ перед тобой во мгле?

Кому, кому еще, бедняга,
Ты хочешь верить на земле?

Окопчательный текст — 1907 г. В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Напрасно».

На чердаке. Впервые — «Образование», 1907, № 7. В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) — помета: «По-старому».

Клеопатра. Впервые — альм. «Шиповник» IV (1908). В 1907 г. Блок часто посещал открытый в Петербурге *паноптикум* (музей восковых фигур), где, в числе других, была выставлена фигура египетской царицы Клеопатры, снабженная особым механизмом, благодаря которому создавалось впечатление, будто фигура дышит. По преданию, Клеопатра покончила с собой, приложив к груди ядовитую змею. *Цезарь* — Юлий Цезарь, возлюбленный Клеопатры. К. И. Чуковский в своих воспоминаниях о Блоке рассказывает: «Я помню, что тот „паноптикум печальный“, который упоминается в его „Клеопатре“, находился на Невском, в доме № 86, близ Литейного, и что сорок лет назад, в декабре, я увидел там Александра Александровича, и меня удивило, как понуро и мрачно он стоит возле восковой полулежащей царицы с узенькой змейкой в руке — с черной резиновой змейкой, которая, подчиняясь незамысловатой пружине, снова и снова тысячу раз подряд жалит ее голую грудь, к удовольствию каких-то похабных картузников. Блок смотрел на нее оцепенело и скорбно» («Из воспоминаний», М., 1959, стр. 369—370).

Не пришел на свиданье. Впервые — «Земля в снегу» (1908).

СНЕЖНАЯ МАСКА

Блок однажды заметил, что в январе 1907 г., когда была написана «Снежная маска», он «слепо отдался стихии» («Собр. соч.», т. VIII, стр. 239). Действительно, все тридцать стихотворений, составляющих этот цикл, в рукописи названный «лирической поэмой», были созданы в очень короткий срок — в течение двух недель, причем иногда Блок писал до шести стихотворений в день (как, например, 3 января). «Всё это стихи... писанные залпом на этих днях, — сообщал Блок В. Я. Брюсову 13 января 1907 г., — пока неожиданные и, во всяком случае, новые для

меня самого» (см. т. VIII наст. издания). «Снежная маска» была написана под свежим впечатлением встречи и знакомства с актрисой драматического театра В. Ф. Коммиссаржевской — *Натальей Николаевной Волоховой*, которой и посвящена (как и следующий за «Снежной маской» цикл «Фаипа» и вообще большинство стихотворений, написанных в 1907 г.). Образ Н. Н. Волоховой отразился также и в драматургии Блока (Фаина в «Песне Судьбы») и в его прозе («Сказка о той, которая не поймет ее»). Впервые «Снежная маска» была опубликована отдельной книжкой (изд-во «Оры», СПб.), вышедшей в свет 8 апреля 1907 г. Книжка открывалась следующим посвящением (черновик его датирован 13 января 1907 г.): «Посвящаю эти стихи *Тебе*, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города. Интересные и важные высказывания Блока о «Снежной маске» содержатся в его письмах к В. Я. Брюсову от 24 марта 1907 г. и к Н. Н. Русову от 20 июля 1907 г. (см. т. VIII наст. издания). В стихах, составивших этот цикл, отразились впечатления костюмированного вечера, устроенного актрисами театра В. Ф. Коммиссаржевской — так называемого «бумажного бала», на котором дамы были в маскарадных костюмах, сделанных из бумаги (отсюда в стихах Блока — «трехвенечная гитара» и т. п., вплоть до таких деталей, как пряжки в виде змеек на женской обуви: «На конце ботинки узкой Дремлет тихая змея»).

Снежная в язь. Стихи 23—26 первоначально читались так:

И когда со мной встречаются
Эти черные глаза,
Неизбежные глаза, —
Глуби снежные вскрываются,
Открываются уста,
Приближаются уста.

После 30-го стиха («Та же легкая, пленная грусть») в первоначальном тексте — еще двустишие:

Ты звезды гасишь...
Поцелуйи тратишь...

В т о р о е к р е щ е н ь е. В первоначальном тексте — другая третья строфа:

И женщин жалкие объятья
Знакомы мне, — я к ним привык.

И всем страпáм я шлю проклятья...
Да будет это — первый крик.

Окончательный текст — 1915 г.

Крылья. В первоначальном тексте перед заключительным четверостишием — еще два стиха, отброшенных в 1915 г.:

И вверху смежает очи
Лишь одна.

Прочь! *Туара* — трехъярусная корона римского папы.

Под масками. В последней строфе упоминается старинный книжный шкаф с резными изображениями амуров на дверцах, стоявший в кабинете Блока.

Бледные сказанья. Заключительный стих первоначально читался так: «Опечаленный Амур».

Здесь и там. Заключительный стих первоначально читался так: «Были тайно влюблены».

Обреченный. *Призор* — в церковнославянском языке: сглаз, порча от дурного глаза (перешло в народную речь).

ФАИНА

«Вот явлася. Заслонила...» Впервые — альм. «Шиповник» II (1907), — с посвящением Н. Н. Волоховой. Строфа шестая (имеющаяся в рукописи) введена в печатный текст только в 1918 г. В рукописи после пятой строфы — еще одна:

Ничего ты не узнаешь,
Завтра всё забудешь ты,
В утро светлое растаешь,
Как морозные цветы.

И душа моя ступила В предназначенный ей круг... — ср. у А. А. Фета («На корабле»): «Душа в тот круг уже вступила...»

«Я был смущенный и веселый...» Впервые — альм. «Шиповник» II (1907), — с посвящением Н. Н. Волоховой.

«Я в дольний мир вошла, как в ложу...»²⁵⁷⁻
Впервые — альм. «Шиповник» II (1907). В рукописи вместо
первой строфы — две следующие:²⁶⁰

Я в мир вошла, как в двери ложи.
Закрита глухо дверь моя.
И в темном зале, хаос множа,
Поет людская толчея.

Вот мир, и блеск его заемный!
Вот — мне покорная земля!
И черных кудрей траур темный
Мои ласкает соболя.

(Следующий стих: «И мгла поет из темной ложи:»). В сборнике
«Земля в снегу» (1908) — эпиграф из Аполлона Григорьева
(«Над тобою мне тайная сила дана...»):

Над тобою мне тайная сила дана,
Это — сила звезды роковой.
Есть преданье — сама ты преданий полна, —
Так послушай...

Н. Н. В. — Н. Н. Волохова.

«Ушла. Но гиацинты ждали...» Впервые — альм.
«Цветник ор» (1907), — под заглавием: «Послание». Здесь после
первой строфы — еще одна:

В подушках, в кресле, на диване
Живут стыдливые слова.
Мечта твоих благоуханий
На смятой ткани всё жива.

В рукописи озаглавлено: «Послание NN» (то есть Н. Н. Воло-
ховой). В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпиграф из Вл. Со-
ловьева («Неопалимая купина»):

И к мидианке на колени
Склоняю праздную главу.

«За холмом отзвенели упругие латы...»
Впервые — «Слово», 1908, 24 августа. В рукописи — первоначальный
текст заключительной строфы:

И потом, на холмы посылая туманы,
Ты — Валкирия, Дева, Змея,

Будешь страстью лечить мои знойные раны
Под неверным мерцаньем копыя!

Валкирии — в скандинавской мифологии божественные девы, помогавшие героям в битвах.

«Я насадил мой светлый рай...» Впервые — альм. «Цветник ор» (1907), — под заглавием: «В раю». В черновике после третьей строфы — набросок еще одной:

Отходит в скудные поля
И там тоскливой птицей кычет,
Но сын замолк, молчит
. и сын не кличет.

«В этот серый летний вечер...» Впервые—альм. «Шиповник» III (1907). В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Цыганка».

О с е н н я л ю б о в ь

Впервые — «Весы», 1907, № 12. В рукописи — дата: «Сентябрь — октябрь». В черновике третьего стихотворения — первоначальный текст двух заключительных строф:

Что, глядя в осенние дали,
В дыхании осени строгом
Целуют холодные губы
Горячие губы мои.

И помни, что мы услышали:
Как к темным холодным дорогам
Зовут одичалые трубы
В холодные выси твои.

В авторском экземпляре «Собр. стих.» III (1912) — пометка к 9-й строке первого стихотворения («Тогда — просторно и далеко»): «Заменить».

«В те ночи светлые, пусты е...» Впервые — «День», 1914, 25 декабря. В черновике — первоначальный текст первой строфы:

И вновь, забыв святое «ты»,
Они встречались, как чужжо.

Там же — первоначальный текст заключительной строфы:

И в пустоте дневной пустыни
Они сходились, не спеша,
Чтоб видеть вместе купол синий,
Который видела душа.

В черновике — помета: «После вечера после Пеллсаса» (то есть после представления драмы М. Метерлинка «Пеллеас и Мелисанда» в театре В. Ф. Коммиссаржевской). Окончательный текст — 24 декабря 1913 г.

С н е ж н а я Д е в а. Впервые — «Весь», 1907, № 12. В черновике — другое расположение строф: после первой шли четвертая, пятая и шестая строфы окончательного текста, вслед за ними строфы вторая и третья, после которой была еще одна, зачеркнутая, строфа:

И говорит простым и ясным,
Но незнакомым языком.
Сияньем бешено-бесстрастным
Глаза сияют под платком.

После этого в черновике шли последние четыре строфы. Восьмая строфа имеет в черновике три варианта:

⟨1⟩

Опа глядит мне прямо в очи
За то, что знает, как смела
Моя душа — навстречу ночи
Запеть готовая стрела.

⟨2⟩

Она глядит открыто в очи
Мне, как неробкому врагу,
За то, что знает — сколько ночи
Я в сердце берегу.

⟨3⟩

Она глядит открыто в очи
И видит смелого врага,
За то, что в дух мой, полный ночи,
Крутятся, врываются снега.

269—
272 В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпиграф из Ф. И. Тютчева («Предопределение»): «И поединок роковой». *Сфинкс с выщербленным ликом* — один из двух древних фиванских сфинксов, установленных в Петербурге, на правом берегу Невы, возле здания Академии художеств. Ср. вступление ко Второй главе поэмы «Возмездие» и стих. 1921 г. «Пушкинскому Дому» (т. III наст. издания). *Она глядит мне прямо в очи* — ср. у Я. П. Полонского («Пришли и стали тени ночи...»): «Смелей глядит мне прямо в очи».

«И я провел безумный год...» Впервые — «Слово», 1908, 13 декабря, — под заглавием: «Отрывок из поэмы». *Она* — Н. Н. Волохова. *Третья стража* (лат. *Tertia vigilia*). — В древнем Риме был учрежден корпус ночных стражников — вигилий; третья стража — последняя смена караула перед рассветом. В переносном значении «за третьей стражей» — под утро.

З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м

Впервые — «Весы», 1908, № 3, — под заглавием: «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей». Здесь, кроме эпиграфа (из стих. М. Ю. Лермонтова «Благодарность»), — посвящение (Н. Н. Волоховой): «И вновь посвящаю я эти стихи — *Тебе*». Кроме того, каждое из одиннадцати стихотворений, составляющих цикл, имело свое заглавие, причем в последовательном чтении заглавия эти слагались в законченную «заклинательную» фразу: «Принимаю — В огне — И во мраке — Под пыткой — В снегах — И в дальних залах — И у края бездны — Безумием заклинаю — В дикой пляске — И вновь покорный — Тебе предаюсь». Посылая «Заклятие» В. Я. Брюсову для помещения в «Весы», Блок писал: «Вот — новый цикл стихов, или поэма, непосредственно примыкающая к „Снежной маске“» (письмо от 14 ноября 1907 г.). Сначала Блок предполагал дать циклу название: «Снежная Дева», но потом передумал и, касаясь одноименного стихотворения («Она пришла из дикой дали...»), писал В. Я. Брюсову: «Цикл новый не согласен с нею <„Снежной Девой“>, в нем больше смятения и октябрьской хляби» (письмо от 31 октября 1907 г.). Некоторые образы этого цикла перешли в драму «Песня Судьбы» (см., например, картины II и VII).

1. «О, весна без конца и без краю...» В черновике — посвящение (Н. Н. Волоховой): «Женщине, отравленной

красотой своей». *Веси* — селения. *Ненавидя, кляня и любя* — 272—
ср. у Ф. М. Достоевского: «...клянусь, клянусь, я тебя и нена- 276
видя любил» («Братья Карамазовы», кн. XII, гл. V, слова
Мити).

2. «П р п я в ш и й м и р , к а к з в о н к и й д а р . . . » В чер-
новике после третьей строфы — еще одна:

И что мне в них? Кто в их огне?
Пророчат жизнь, иль гибель мне?
О чем поют? К чему зовут?
Смотри — я буду тут.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Пожар».

4. « П е р е х о ж у о т к а з н и к к а з н и . . . » В черно-
вике связано со стих. «Я миновал закат багряный...» (стр. 137
наст. тома). Здесь — набросок еще одной, заключительной,
строфы:

Чтобы неведомое вскрылось
И невозможное сбылось,
Чтоб сердце никогда не билось
И

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпитафия из В. Брюсова
(«Ахиллес у алтаря»):

Дай, к устам твоим прикинув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие!

5. « П о й м и ж е , я с п у т а л , я с п у т а л . . . » В черно-
вике — первоначальный текст заключительной строфы:

Что сердце — летящая птица,
Что в сердце — щемящая лень,
Что глупая эта страница
Придет к тебе в завтрашний день.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Пойми».

6. « В б е с к о н е ч н о й д а л и к о р р и д о р о в . . . » В чер-
новике после пятой строфы — еще одна:

Что ж ты медлишь, товарищ усталый,
Что ломаешь ты руки свои?
Неужели еще тебе мало
Этих страшных движений змей?

7. «По улицам метель метет...» В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Над бездной».

9. «Гармоника, гармоника!..» В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Пляска». Первоначальный вариант заглавия: «Пляска под гармонику» (помета Блока в записной книжке).

10. «Работай, работай, работай...» В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Работай».

11. «И я опять затих у ног...» В черновике после второй строфы — набросок еще одной:

Куда зовет? И снова, снова
Огнями
О ты, несказанное слово
Моей тоски, моей любви.

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — заглавие: «Предаюсь».

Инок. Впервые — альм. «Земля» I (1908).

Песня Фаньи. Впервые — альм. «Шиповник» IX (1909), — в тексте драмы «Песня Судьбы» (и под таким же заглавием: «Песня Судьбы»). В черновике драмы датировано 30 мая 1907 г. и 27 марта 1908 г., однако, как видно из черновика, окончательная обработка «Песни» относится к еще более позднему времени. В черновике, датированном 30 мая 1907 г., другой текст третьего и четвертого куплетов:

Люблю игру моих измен,
Люблю того, кто любит плен,
И ты покинут, бедный мой,
Уж не прикиннешь головой.
Ты брошен, бедный, и забыт,
В глазах — огонь и в сердце — стыд.
И бедная жена
Придет ко мне искать...

Прочь с глаз моих! И ты погас!
Был час — и нет! Беги от глаз!
Ищи свою жегу!
Пусть мужа бедного, тебя,
Она ласкает
Не то бичом хлестну!

В черновике, датированном 27 марта 1908 г., другой текст куплетов третьего — шестого:

286

Иди, иди навеки прочь.
Мелькнула ночь. Другую ночь
С другим я быть хочу!
Кто будет мил, кто будет люб,
Кто любит ласки алых губ, —
Приди — прильни к плечу!

Целуй до утренней зари.
Мне — злата горсть! И две! И три!
Теперь и ты — прости!
Была в тебя я влюблена,
Была я золотом пьяна!
Теперь, мой бич, свисти!

Попробуй кто — влюбись в меня.
Я вся из жара и огня,
И бедного спалю!
Не подходи! Страшись любви,
Моей любви
Сожгу, кого люблю.

Там же — другой текст заключительного куплета:

Иль берегись! Беги греха!
Приди! Ха-ха! Люблю! Ха-ха!
Свисти, мой тонкий бич!

В «Собр. стих.» III (1912) сопровождается прим. Блока: «На тему одной шансонетки. Фаина — действующее лицо в моей пьесе „Песня Судьбы“». В авторском экземпляре этого издания зачеркнуто, с пометой: «Не выкинуть ли?» В третье издание второго тома (1916) не вошло.

«Всю жизнь ждала. Устала ждать...» Впервые — альм. «Шиповник» IV (1908), — под заглавием: «Ты и я». В черновике, датированном 25—27 декабря 1907 г. и озаглавленном: «Она», с посвящением NN (Н. Н. Волоховой), после пятой строфы — еще одна:

И душно нам. Здесь ветер спит.
Здесь корабли остановили
Свой бег — и океан молчит,
Качая траурные кили.

Здесь же после шестой строфы — начало еще одной, оставшейся недописанной:

Так долгой жизни плен влача,
Мы о свободе слышим вести...

В сборнике «Земля в снегу» (1908) — эпитафия из Ф. И. Тютчева: («Чему молилась ты с любовью...»):

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

«Когда вы стоите на моем пути...» Впервые — «Земля в снегу» (1908), — под заглавием: «Письмо» и с эпитафией из А. А. Фета («Бал»):

В чужой восторг переселяться
Заране учится душа.

«Она пришла с мороза...» Впервые — «Земля в снегу» (1908), — под заглавием: «Знакомое». Трагедия Шекспира «Макбет» принадлежала к числу наиболее любимых Блоком литературных произведений; 5 марта 1907 г. он писал поэту Эллису (Л. Л. Кобылинскому) о Шекспире: «Люблю его глубоко; и, может быть, глубже всего — во всей мировой литературе — Макбета» (неизданное письмо, архив В. Я. Брюсова). *Пузыри земли.* — В трагедии «Макбет» имеются такие стихи:

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Блок поставил это двустишие эпитафией к разделу второго тома своей лирики — «Пузыри земли» (стр. 8 наст. тома). *Поло и Франческа* — несчастные любовники, жившие в Италии в XIII веке; об их трагической судьбе рассказано в «Божественной Комедии» Данте («Ад», песнь V).

«Я помню длительные муки...» Впервые — «Северное сияние», 1908, № 2, — под заглавием: «Воспоминание». Здесь — первоначальный текст в стихах:

1 — Я помню горестные муки
3 — Твои заломленные руки
5—6 — Я помню — вся ты, поникая,
В углу дивана замерла.

А также вместо четвертой, заключительной, строфы окончательного текста — три следующие:

О, никогда так скудно светел
 День не вставал, как в этот час!
 И я не понял, не заметил
 Всей глубины огромных глаз...

А ты потом сама дивилась,
 Когда совсем угасла страсть,
 Кому так трепетно молилась,
 Чья над тобой вставала власть...

Сама не знала ты, откуда
 Цветок тоски свой лик вознес,
 Как разрешилось это чудо
 Весенним ливнем бурных слез.

В рукописи — дата: 4 марта — 9 июня 1908 г. Первоначальный, черновой набросок, относящийся к марту:

Я помню — холодели руки,
 Ночь догорала за окном.
 И утро разжигало муки
 Своим отравленным вином.

Я помню — вся ты, вся поникнув,
 В углу дивана замерла,
 И я хотел, безумно вскрикнув,
 [Тебя убить. И не убил.]

И слезы, утренние слезы...

Потом сама дивилась ты,
 О чем рыдала беспощадно,
 Вся содрогаясь и

О, возврати мне, помоги мне,
 Отдай лишь то, чего не жаль,
 Чтоб не дрожала в каждом гимне
 Такая черная печаль!

Исправлялось в октябре 1910 г. Окончательный текст — 1 января 1911 г. В «Собр. стих.» III (1912) — помета: «Москва» (в Москве Блок мог побывать в июне 1908 г., когда жил в Шахматове).

«Своими горькими слезами...» Впервые — альм. «Прибой» I (1909). Первоначальный (черновой) текст:

. свод серел над нами,
 Над нами плакала весна
 Своими горькими слезами,
 Предчувствием бурь потрясена.

Ты прижималась сиротливо,
 Как будто на закате дня
 В дыханьи дальнего залива
 Уж ты утратила меня.

О, как любил я эти руки
 Сжимать и греть в своей руке,
 Пока предвестием разлуки
 Блестел огонь на маяке!

Ты ласк моих не отвергала
 И отдавалась мне во власть.
 О, как любил я этот алый
 Полуоткрытый рот, о, Страсть!

Что от любви осталось прежней —
 То страсть к полуночи сожгла,
 И с каждым часом всё мятежней
 Над нами буйствовала мгла.

И стало всё равно, какие
 Лобзать уста, ласкать плеча,
 В какие улицы глухие
 Гнать удалого лихача.

Теперь, когда мне звезды ближе,
 Чем та погибельная ночь,
 Когда еще безмерно ниже
 Ты пала, страсти буйной дочь,

Когда один с самим собою
 Я угасаю каждый день, —
 Теперь проходит предо мною
 Твоя развенчанная тень.

Я даже уст не помню алых
 И плеч, которые ласкал,
 И лишь в глазах, навек усталых,
 Я страсти повесть прочитал.

Ты будешь мстить мне словом, взглядом,
 Молвой, и лестью, и мечом,
 Но всё — ничто, когда
 Я сам палачом.

Но я люблю свою погибель,
 Как мокрых улиц тишину.

[Теперь, когда и ты далёко,
 И жизнь разбита
 Я смею думать, как глубоко...]

Навек отравлен я мечтами
 И пьян от страстного вина.

Пускай еще, еще над нами,
Разлуки ядами полна,
Своими горькими слезами
Рыдает нежная весна!

Отсюда строфы девятая, третья, четвертая и двенадцатая (в такой последовательности) перешли в беловую рукопись и в первую публикацию (в «Прибое») — как концовка, вместо заключительной строфы окончательного текста. В черновике связано со стих. «Уже над морем вечереет...», написанным 24 ноября 1908 г. (т. III наст. издания). В рукописи озаглавлено: «Неизбежное». Окончательный текст — осень 1910 г. *Развенчанная тень* — слова А. С. Пушкина (из стих. «Наполеон», 1821). Это стихотворение — последнее из посвященных Н. Н. Волоховой.

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

О смерти. Впервые — альм. «Факелы» III (1908). О *Г. И. Чулкове* см. выше, стр. 398. *Жокеи* — здесь: наездники, участвующие в скачках на ипподроме. *Сотка* — водочная бутылка (в одну сотую ведра).

Над озером. Впервые — альм. «Факелы» III (1908). *Шувалово* — пригородная дачная местность под Петербургом; здесь на берегу озера на крутом склоне холма расположено кладбище.

В северном море. Впервые — альм. «Факелы» III (1908). *Тальеры* — женские костюмы. *Вольный остров* — один из островов, расположенных в дельте Невы. *Фероньера* — женское украшение для волос. *Сестрорецкий курорт* — под Петербургом, на берегу Финского залива. О прогулке по Финскому заливу, впечатлениями которой было вызвано это стихотворение, рассказано в воспоминаниях К. И. Чуковского («Из воспоминаний», М., 1959, стр. 370—371).

В дюнах. Впервые — «Золотое руно», 1907, № 10 (перепечатано в «Литературно-художественном сборнике» изд-ва «Непогасшие огни», вып. I, 1910). В рукописи и в первых публикациях (до 1912 г.) вместо стихов 24—26 было:

Там открывалась новая страна —
Песчаная, свободная, чужая...
И было мне смешно смотреть на этих

Скучающих солдат в зеленой форме,
 Лениво ограждающих рабов
 От вольных, или вольных от рабов...
 На русский бесприютный храм, глядящий
 В чужую, незнакомую страну.

Окончательный текст — 1915 г. Дюны — местность под Петербургом, на бывшей границе с Финляндией, на берегу Финского залива, в районе поселка Оллила (ныне — Солнечное).

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Неоконченная поэма. Впервые — альм. «Хри-
 зопрас» (1906). Вошло в «Собр. стих.» I (1911). В рукописи, оза-
 главленной: «Первая часть из поэмы „Три свидания“» и снабжен-
 ной эпитафией из одноименной поэмы Вл. Соловьева: «Подруга
 вечная, Тебя не назову я...», в части третьей, после 8-го стиха
 («Приемля горную мечту») — еще четверостишие:

И я не знал, что вечер близок,
 Что день мелькнул мне одному,
 Что там, где дух безмерно низок, —
 Готовятся изведать тьму.

Там же, в части четвертой — первоначальный текст первого вось-
 мистишия:

И город шопотом далеким
 На возрастающей заре
 Манил свиданьем одиноким,
 Воздвигшим утро на горе.
 Я шел свободно-утомленный —
 Бродил в вечерней синеве.
 Минувший день замороженный
 И росы прятались в траве.

В черновике в части второй—первоначальный текст стихов 9—12:

Служителя к целебным ваннам
 Увечных в креслах повезли,
 Привыкнув к звукам иностранным,
 К извечным жалобам земли,

а также — отброшенное окончание (после 20-го стиха — «И car-
 tes postales, и kodak'a»):

И Та, Чья Тень в горах сквозила
Безумцам в пламенном бреду, —
Сегодня в город нисходила
Неузнанной в земном аду!

313—
314

В «Неоконченной поэме» отразились впечатления курортного быта в Бад Наугейме (Германия); ср. письма Блока из Бад Наугейма от лета 1903 г. (т. VIII наст. издания). Дата в подзаголовке («Bad Nauheim. 1897—1903») означает не время написания поэмы, а годы, в которые Блок посетил Бад Наугейм. Сделано это в подражание Вл. Соловьеву, чья поэма «Три свидания», в которой повествуется о мистических встречах с «Подругой вечной» — «Мировой Душой», снабжена аналогичным подзаголовком: «Москва—Лондон—Египет, 1862—75—76». В черновике «Неоконченной поэмы» — помета Блока: «Врем(снное) и протстр(анственное) обобщ(ение) первого свидания». Блок сам отмечал влияние поэзии В. Брюсова, заметно сказавшееся в этих стихах. В мае 1904 г. он сообщил А. Белому, что «написал первую часть пробрюсованной поэмы „Три свидания“... длинно и... в отношении стихов ужасно недоволен собой» (А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 92; там же, на стр. 96—97 — замечания А. Белого по поводу поэмы Блока).

«Полон визга веретен...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). *Альков* — см. выше, стр. 416.

А н д р е ю Б е л о м у. Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Об А. Белом см. т. I наст. издания, стр. 615.

К о л ы б е л ь н а я п е с н я. Впервые — «Тропинка», 1906, № 11. Вошло в «Собр. стих.» II (1912) и в сборник стихов для детей «Сказки» (1913). В рукописи после четвертого двустишия — еще одно:

Солнце — брат, я — сестра,
Буду светить до утра.

И после седьмого — также одно:

Будут звездочки вокруг —
Хоровод моих подруг.

В черновике — другое окончание (вместо трех последних двустиший окошчательного текста):

Всю-то ночь на вас гляжу,
Сказку расскажу

Про поля, про леса,
Про родные небеса,

Как хожу, кругом брожу,
Малых деток сторожу,

Приголублю, усыплю,
Сладкий сон вам пошлю.

Спите, спите, спать пора.
Детям спится до утра.

В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуто, с вопросительным знаком и помстой: «Сократить» (в следующие издания второго тома не входило).

«В е с е л и м с я , к р у ж и м с я . . .» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Предназначалось для детского чтения.

«М ы в к р у г е м л е ч н о г о п у т и . . .» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932); первая строфа — раньше, в «Записных книжках Ал. Блока» (1930), вторая строфа — в «Неизданных стихотворениях» (1926).

В о й н а. Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930). Стихотворение внушено русско-японской войной 1904—1905 гг., в частности — Цусимским сражением (третья строфа). *Фурии* — богини мщения в античной мифологии.

П о д р а ж а н и е. Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930). Предмет «подражания» — стихи Вяч. Иванова, ближе всего — «И был я подобен уснувшему розовым вечером...» п «Встреча» (в сборнике Вяч. Иванова «Кормчие звезды», 1903); ср. оценку этих стихотворений в статье Блока «Творчество Вяч. Иванова», написанной в 1905 г. (т. V наст. издания).

«П о з е л е н ы м о б р ы в а м . . .» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«Н о ч ь ю п ы л ь н о й л е г л а . . .» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Я с о й д у и н а м е ч у . . .» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«Всё так же бродим по земле...» Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930).

«Л и ш ь з а и с к р и т ь с я б а р х а т н е б е с н ы й...» Впервые — «Красная новь», 1928, № 1. Текст этого стихотворения не может считаться вполне достоверным, поскольку оно было опубликовано поэтом Б. А. Садовским «по памяти» (автограф, находившийся у Б. А. Садовского, был утрачен).

«Б е з р а д о с т н а б ы в а е т г р у с т ь...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«С в о б о д н ы д а л и . Н е б о о т к р ы т о...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). *Петел* — петух.

У ч и т е л ь . Впервые — «Киевские вести», 1908, 4 января, и «Южный край», 1908, 5 января (оба раза под заглавием: «Летний вечер»). Вошло в сборник стихов для детей — «Круглый год» (1913).

В е т х а я и з б у ш к а . Впервые — «Тропинка», 1907, № 6, — под заглавием: «В марте». Вошло в сборник «Круглый год» (1913).

С н е г д а с н е г . Впервые — «Киевские вести», 1908, 7 января. Вошло в сборник «Круглый год» (1913). В рукописи — заглавие: «Зима».

З а й ч и к . Впервые — «Тропинка», 1907, № 10, — под заглавием: «Осень». Вошло в сборник «Круглый год» (1913) и в третье издание второго тома (1916). Первые две строфы были написаны в октябре 1903 г.

Д е в е - Р е в о л ю ц и и . Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). *Малиновая гора* — возвышенность в окрестностях Шахматова.

«М а с к а о т к р ы л а б л е с т я щ и е з у б ы...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«К а к н а ш и о к н а б ы л и б л и з к о !...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Написано было не позже августа 1906 г.

«Ты с вершип печальных гор...» Впервые — «Пеизданные стихотворения» (1926).

Р о ж д е с т в о. Впервые — «Тропинка», 1907, № 1, — под заглавием: «На Рождестве». Вошло в «Собр. стих.» II (1912), без восьмой строфы, и в сборник «Круглый год» (1913). В рукописи — помета: «По заказу „Тропинки“ и еще две строфы. Одна — после девятой:

Чтоб оттягивать большими
Яблоками ветки
И привязывать под ними
Для орехов сетки.

Вторая — после одиннадцатой строфы окончательного текста:

Он смеется, ус свой глядя,
Из зеленых веток
На веселый праздник глядя
И на славных деток.

В авторском экземпляре «Собр. стих.» II (1912) зачеркнуто, с вопросительным знаком и пометой: «Опять длинно, ни к чему».

«Серебристым, снежным хмелем...», «Одав шисьь снежной вьюге...» Впервые — в книжке: А. Блок. Незданные стихи. История одного письма (Тифлис, 1927). Оба стихотворения варьируют темы лирических циклов «Снежная маска» и «Файна»; ср., например, заключительную строфу первого стихотворения с последней строфой стих. «Инок» (стр. 283 наст. тома). О происхождении этих стихотворений см. «Литературное наследство», 1937, № 27/28, стр. 568.

«Вот река полноводнее...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

Н е н у ж н а я в е с н а.

Впервые — альм. «Цветник ор» (1907). Этот цикл Блок включил ни в один из своих сборников — может быть, под воздействием резкой критики А. Белого, назвавшего эти стихи «кошунственным» (см. «Весы», 1907, № 6, стр. 68; ср.: А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 205). *Красная Горка* — народное название первого воскресенья после Пасхи; в этот день в деревнях было в обычае устраивать свадьбы.

«В темной комнате ты обещена...»³³² —
Впервые — «Час», 1907, 21 ноября. 336

«Ты пробуждалась утром рано...» Впервые — «Русь», 1907, 2 июня (Приложение № 21); вторично — «Красный милиционер», 1920, № 14.

«И мы подыдем их на вилы...» Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930). Возможно, что это четверостишие является вариантом к стих. «Я ухо приложил к земле...» (т. III наст. издания).

«Сырое лето. Я лежу...» Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930). Это стихотворение примыкает к циклу «Вольные мысли» (стр. 295 наст. тома), который Блок начал писать в том же июне 1907 г. В черновике — первоначальный вариант 11-го стиха: «*То место в книжке Бебеля...*», из чего видно, что Блок имел в виду известный трактат немецкого социалиста Августа Бебеля (1840—1913) — «Женщина и социализм» (русское издание — 1905), в котором доказывалось, что женщина в условиях буржуазного экономического и общественного строя обречена на домашнее рабство. *Я знаю женщину...* — Имеется в виду Н. Н. Волохова (см. о ней выше, на стр. 427).

Песельник. Впервые — «Путь», 1908, № 2. Вошло в сборник «Земля в снегу» (1908). В рукописи вместо заглавия стоит: «Подражаю и посвящаю Сергею Городецкому». Эпиграф взят из стих. С. Городецкого «Встреча» (сборник «Перун», СПб., 1907, стр. 110). О С. М. Городецком см. выше, стр. 405.

«Везде — над лесом и над пашней...» Впервые — альм. «Корона» (1908), — в качестве вступления к циклу «Подруга светлая» (стихи 1899—1907 гг.). Вошло в сборник «Земля в снегу» (1908) и в «Собр. стих.» III (1912). В «Земле в снегу» — заглавие: «Подруга светлая» и эпиграф из Вл. Соловьева («Колокольчики»):

Призраки вешние
Пусть сожжены,
Здесь вы нездешние,
Верные сны.

«Меня пытали в старой вере...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эти стихи записаны среди черновиков цикла «Заклятие огнем и мраком» (стр. 272 наст. тома).

«Ходит, бродит, колобродит...» Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930).

«Стучится тихо. Потом погромче...» Впервые — «Слово», 1909, 19 апреля; вторично — «Новый журнал для всех», 1916, № 1. Вошло в пятый сборник лирики Блока — «Седое утро» (1920). В рукописи после третьей строфы — еще две:

Не речи — песни,
Не очи — звезды,
Не смех — огонь...

И всё чудесней
Мятежный отдых,
Глухая сонь...

Первоначальный, черновой набросок, датированный 22 декабря 1907 г.:

Это — райская птица
Прилетела в мой склеп:
Кто не видел — томится,
Кто увидел — ослеп.

Это — тени ночные
Обступили меня.
Это

Окончательный текст — очевидно, 1915 г.

«Их было много — дев прекрасных...» Впервые — «Межа», 1908, 20 октября. В первоначальной редакции служит началом стих. «И я любил. И я изведал...», написанного 30 марта 1908 г. (см. т. III наст. издания). В рукописи — пометы: «Передел(ать)» и «Напечатано в какой-то газете, неизвестной мне. Вырезку пашел в бумагах отца».

«В глубоких сумерках собора...» Впервые — «Лебедь», 1909, № 8, — под заглавием: «Незнакомка — смертному» и с посвящением Ивану Рукавишникову; вторично — «Знамя», 1919, № 2. Вошло в пятый сборник лирики Блока — «Седое утро» (1920). Первоначальный рукописный текст:

ОТВЕТ ИВАНУ РУКАВИШНИКОВУ

Незнакомка — смертному

В глубоких сумерках притвора
Прочла я длинный свиток твой:
Ты — не угадчик. Я — не Дора,
Но страстен голос твой земной.

И вот тебе — ответный свиток
 На том же месте, на стене,
 За то, что много страстных пыток
 Ты ведал на пути ко мне.

И испытать тебя мне надо:
 Их много, ищущих меня,
 Неповторяемого взгляда,
 Неугасимого огня.

Кто я, ты долго не узнаешь
 И ночью глаз ты не сомкнешь;
 И, может быть, как воск истаеть;
 И смертью, может быть, умрешь.

Твой мир, твой храм, твои мученья,
 Твоя тоска — что мне до них!
 Быть может, сам ты — лишь виденье
 Миров далеких и чужих...

Узнать мое ты хочешь имя?
 Спроси; но я — не твой двойник,
 И здесь, под тканями земными,
 Один понятен мне язык.

И если — словом несвободным
 Ты мне ответишь, не любя, —
 Я смехом вольным и холодным,
 Как плетью, обожгу тебя.

Строфы первая, вторая, четвертая, пятая и седьмая этого текста были напечатаны в «Лебеди». В рукописи — следы дальнейшей переработки строфы первой:

В вечерних сумерках собора
 Прочитан мною свиток твой:
 Твой голос — только звук из хора,
 Но звук протяжный и земной.

А также — заключительной строфы:

И если отдаленным эхом
 Ко мне дойдет твое «люблю», —
 Громовым и холодным смехом
 Я, как огнем, тебя спалю!

Окончательный текст — 1917 г. Написано в ответ на стих. писателя-символиста Ивана Сергеевича Рукавишникова (1877—1930) «Вешаю свиток в притворе храма...», в котором речь идет о некоей Доре (см. И. Рукавишников. Книга X. Стихотворения. М., 1915, стр. 102; там же, на стр. 145, — ответное

339— послание «Стихам Александра Блока»). Среди бумаг Блока
340 (ЦГАЛИ) сохранилось письмо И. С. Рукавишникову от 25 мая 1908 г., при котором он переслал Блоку стихи «Вешаю свиток...» Блок в тот же день ответил И. С. Рукавишникову своим стихотворением. Эта поэтическая переписка отмечена Блоком в записной книжке от мая 1908 г. («Роман в письмах. Рукавишников»). Г. И. Чулков, посвященный в суть дела, писал Блоку 9 июня 1908 г.: «Как Ваш роман? Убедили ли Вы Вашего возлюбленного, что Вы не Дора? Или он по-прежнему уверен в том, что Вы не Вы?» (ЦГАЛИ; см. ответное письмо Блока от 14 июня 1908 г. — «Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 147). *Ленивый и лукавый раб* — цитата из Евангелия («От Матфея», XXV, 26).

П о п р а в о с л а в н о м у. Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Связано с замыслом драмы «Песня Судьбы» (см. запись в записной книжке от мая 1908 г. — т. VII наст. издания). Обращено к Л. Д. Блок, жене поэта. Отзвук стихов Н. А. Некрасова («Когда из мрака заблужденья...»):

И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

«Ч уд е с н о в с ё , ч т о у з н а ю . . . » Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932); до того — первые два стиха — в «Записных книжках Ал. Блока» (1930).

«Т ы п о м н и ш ь — в л о д к е в ч а с з а к а т а . . . » Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). В рукописи — позднейшая приписка: «Так и прошло». Обращено к Л. Д. Блок.

К о р о л е в н а. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 4 января. К 1908 г. относится набросок первых трех строф и начало заключительной строфы. В черновике — помета: «Дописано 16 мая 1914 г.». В окончательной редакции обращено к Л. А. Дельмас (см. о ней т. III наст. издания — прим. к циклу «Кармен»).

«Н е м о г у т е б я н е з в а т ь . . . » Впервые — «Утро России», 1915, 25 декабря; вторично — «Свободный журнал», 1918, № 2. В черновике — помета: «Нет, этого не надо!» В рукописи — помета при дате переработки (25 декабря 1914 г.): «Дописано!» И вторая помета: «Еще: 1918!» Окончательный текст — 1918 г. В день написания этого стихотворения, 30 ноября 1908 г., Блок сообщил матери: «Стихотворение написано только одно — плохое».

ВЕРХАРН

Шагип. Впервые — «Нива», 1907, № 1; вторично — «Знамя труда», 1918, 5 апреля. *Верхарн* Эмиль (1855—1916) — выдающийся бельгийский поэт и драматург. Посылая свой перевод В. Я. Брюсову (много и удачно переведившему Верхарна), Блок писал ему 5 июня 1906 г.: «Мне захотелось послать Вам просто так („для ознакомления“) мою попытку перевода из „Toute la Flandre“; кажется, некоторые места вышли недурно и близко к подлиннику, хотя я не имею понятия о законах свободного стиха, а из Верхарна знаю только одну книгу да несколько строк из других, какие попадались в рецензиях» («Литературный современник», 1936, № 9, стр. 201). В. Я. Брюсов в ответном письме от 3 августа 1906 г. отметил, что перевод «местами очень хорош, но у Верхарна все гораздо *проще*. Как это ни странно, но Вы придали Верхарну манерность, одекадентили его» (ЦГАЛИ). Блок высказался о творчестве Э. Верхарна в трех рецензиях на русские переводы его произведений (см. «Собр. соч.», т. X, стр. 293—297, 306—309, и т. V наст. издания). *Шельда* — река во Фландрии (Бельгия).

БАЙРОН

Блок переводил стихи Байропа по заказу проф. С. А. Венгерова, который редактировал русское «Полное собрание сочинений» британского поэта. Выполненные Блоком переводы были напечатаны в III томе этого издания (изд-во Брокгауза и Ефрона, СПб., 1906). Один перевод — «Отрывок» («Бесплодные места, где был я сердцем молод...») Блок включил в свой сборник «Земля в снегу» (1908), — в состав цикла «Мэри», и в третье издание второго тома (1916). В неопубликованных письмах Блока к С. А. Венгеру от ноября 1905 — января 1906 г. (ИРЛИ) содержится ряд замечаний по поводу переводов и варианты к отдельным строкам. В частности, 4 января 1906 г. Блок писал: «Два стихотворения переведены размером подлинника („Дневник в Кефалонии“ и „Песнь к сулиотам“), а за „Люсьетту“ извиняюсь, если она тяжеловесна: подлинник так неуловимо грациозен. В „Любви и смерти“ размер не передан, но перевод мне кажется близким». В другом письме, от 13 января 1906 г., Блок писал по поводу перевода стих. «Победа»: «Посылаю Вам по два варианта на неудач-

346 — но переведенные строки... Самый близкий перевод 8-й строки
356 был бы: „И самый храбрый нас в последний раз сломил“. Но, конечно, местоимение личное не идет к эпическому стилю».

П о д р а ж а н и е Т и б у л л у. *Тибулл* Альбий — римский поэт I в. до н. э. *Серинф* — условное мужское имя.

П о д р а ж а н и е К а т у л л у. *Катулл* — римский поэт I в. до н. э.

П о с в я щ а е т с я М э р и о н. Относится к мисс Гарриэт Мальтби, которая держала себя с Байроном «холодно, молчаливо и сдержанно», тогда как отличалась живостью нрава.

О т р ы в о к. *Аннслей* — поместье родителей Анны (Мэри) Чоурт, в которую был безнадежно влюблен Байрон.

Г е о р г у, г р а ф у Д е л а в а р у. *Делавар* Джордж-Джон (1791—1869) — школьный товарищ Байрона. *Ида* — горы в Малой Азии, считавшиеся в древности священными; здесь упомянуты в переносном смысле.

Д а м е т. Относится к кому-либо из школьных товарищей или светских знакомых Байрона.

С т р о к и, н а п и с а н н ы е п о д в я з о м н а к л а д б и щ е в Г а р р о у. *Гарроу* — местечко в Англии, где находилась школа, в которой воспитывался Байрон. На кладбище в Гарроу Байрон похоронил свою дочь.

И з д н е в н и к а в К е ф а л о н и и. *Кефалония* — остров в Ионическом море, где Байрон, принимавший участие в освободительной борьбе греков против турок, останавливался в конце 1823 г. на последнем пути в Грецию.

П е с н ь к с у л и о т а м. *Сули* — городок в Албании; *сулиоты* — греко-албанское горное племя, в XVIII—XIX вв. героически боровшееся за свою свободу против турецкого ига. *Баца* — воинственный клич сулиотов. *Стратиоты* (греч.) — воины.

Н а р о ж д е н и е Д ж о н а В и л ь я м а Р и ц ц о Г о п н е р а. Написано по поводу рождения сына у английского консула в Венеции — Ричарда Гопнера. *Риццо* — итальянское уменьшительное от Ричарда.

П о б е д а. *Бастард* — незаконнорожденный. Имеется в виду король Англии Вильгельм Завоеватель (1066—1087), побочный сын нормандского герцога Роберта Дьявола. 356—
359

С о ч у в с т в е н н о е п о с л а н и е С а р р е... *Джерсей* Сарра — одна из светских знакомых Байрона. *Принц-регент* — Георг IV (1762—1830) — английский принц, отличавшийся необузданным характером и порочными наклонностями, с 1811 г. — регент, с 1820 г. — король. Байрон целиком разделял ненависть английского народа к развратному и мстительному принцу-регенту. *Ми Анна* — художница, писавшая по заказу принца-регента портреты всех светских красавиц Англии. *Тщеславный кесарь Рима* — Нерон. *Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.) — глава заговора против Юлия Цезаря. *Диана* — богиня Луны в римской мифологии.

ЛЕКОНТ

Ц и р ц е я. Впервые — «Слово», 1906, 8 мая. Вошло в сборник «Земля в снегу» (1908). *Леконт* Себастьян-Шарль (1860—1934) — французский поэт, примыкавший к группе «парнасцев». Об его сборнике «Le sang de Méduse» («Кровь Медузы») (Париж, 1906), из которого взято стих. «Цирцея», Блок в 1906 г. написал пространный рецензию, где охарактеризовал творчество Леконта как «образец поэзии, знающей свои берега, научившейся ткать красивые и тонкие узоры, вышивать по капле пылающего мифа тлеющие индивидуальные завитки», и вместе с тем — как типично эпигонское явление литературы: «Все у него умно, интересно, и очень приятно знать, что существует такая культурная и выдержанная манера выражения глубоких идей. Только, читая такие благовоспитанные стихи, вы уже ни в коем случае не вправе требовать от них открытий (тем более — откровенней), хотя бы индивидуальных». Относительно «Цирцея» Блок заметил, что в этом стихотворении «просто и глубоко прощание спутников Одиссея с островом Апей и волшебницей Цирцеей» («Собр. соч.», т. X, стр. 288—291). *Цирцея* — по греческой мифологии, волшебница, обольстившая спутников Одиссея и надолго задержавшая их на своем острове. *Килмерия* — по древнегреческим преданиям, изложенным у Гомера, псевдомая страна, расположенная на крайнем Западе и погруженная в вечный мрак.

Корреспонденция Бальмонта из Мексики. Впервые (не полностью) — «Записки мечтателей», 1922, № 6 (в статье К. И. Чуковского «Последние годы Блока»). Первоначальный текст был пространнее; приводим его целиком:

Я бандит, я бандит!
 От меня давно смердит!
 Подавая с ядом склянку,
 Мне сказала мексиканка:
 «У тебя печальный вид:
 Верно, ты ходил в Пампасы —
 Загрязненные лампасы —
 Стыд!»
 Увлеченный, упоенный, обнаженный, совлеченный
 Относительно одежд,*
 Я искал других надежд,
 Озираясь,
 Упиваясь,
 С мексиканкой обнимаясь.
 Голый — голый — и веселый,
 Мексиканские глаголы
 Воспевал,
 Мексиканские подолы
 Целовал.
 Взор метал
 Из-под пьяных, красных, страстных,
 Воспаленных и прекрасных
 Вежд...
 Сдвинул на ухо сомбреро,
 Думал встретить кабалеро,
 Стал искать
 Рукоять
 Сабли, шпаги и кинжала —
 Не нашел
 (Вечно гол).
 Мексиканка убежала
 В озаренный тихий дол
 И, подобная лианам,
 Выгибала красный стан,
 Как над девственным туманом —
 Вечно странным
 И желанным,
 Зыбким,
 Липким —

* Перевод с греческого (впервые в русск(ой) поэзии).

Пал туман. —
 Я же вмиг, подобен трупу,
 Прибыл утром в Гваделупу
 И почил
 В сладкой дреме,
 И в истоме,
 В старом доме,
 На соломе,
 Набираясь новых сил.
 И во сне меня фламинго
 В Сан-Доминго
 Пригласил.

Было сокращено и переработано в 1908 г. Подпись «*Григорий Е. (псевдоним)*» носит шуточный характер: имеется в виду еж «Григорий», живший в шахматовском доме (ср. стих. «Старушка и чертенята» — стр. 20 наст. тома и прим. на стр. 384). Блок пародировал в манере поэта-символиста К. Д. Бальмонта (1867—1942) содержание его путевых писем из Мексики и других стран Центральной Америки («В странах солнца»), печатавшихся в журнале «Весы» в 1905 г. (№№ 4, 6 п 8).

«Ж сна моя, и ты угасла...» Впервые — «Собр. соч.», т. XII (1936), — сообщено В. П. Веригиной по памяти.

«Чулков и я стрелой амура...», «Чулков „Одною ночью“ занял...» Впервые — «Письма Александра Блока», Л., 1925 (в статье Г. И. Чулкова «Александр Блок и его время»). О *Г. И. Чулкове* см. выше, стр. 398. По поводу первого стихотворения Г. И. Чулков пишет: «Каламбуры любил Блок, но иногда он защищался от них шутками и эпиграммами. Я помню, как однажды на мой каламбур Блок ответил эпиграммой». Относительно второго стихотворения у Г. И. Чулкова читаем: «Однажды, когда я писал рассказ „Одна ночь“, а Блок только что написал стихи „Белая ночь“ (а в это время Андрей Белый яростно бранил в „Весях“ и меня и Блока), Александр Александрович сочинил шутовское четверостишие». Стихотворение Блока «Белая ночь», о котором упоминает Г. И. Чулков, было написано 28 мая 1908 г.; отсюда — приблизительная дата второго четверостишия.

Первые три стихотворения впервые были опубликованы Вл. Пястом в его «Воспоминаниях о Блоке» (П., 1923). Это — случайно дошедшие до нас образцы «цепного стихотворчества», в котором Блок принимал участие на одном из дружеских собраний поэтов у В. А. Пяста. «Один начинал (два несрифмованные стиха), второй заканчивал строфу и задавал новую; третий видел только начало новой строфы и, не зная, в чем дело, должен был закапчивать ее и все стихотворение» (В. Пяст). В первом стихотворении начало принадлежит М. Л. Гофману, середина — П. П. Потемкину (или А. А. Кондратьеву), конец — Блоку; во втором начало — В. А. Зоргенфрею, середина — Блоку, конец — В. С. Мосолову; в третьем начало — Блоку, середина — Е. П. Пестовской, конец — А. А. Кондратьеву. *Попик болотный* — образ из стихов Блока (см. стр. 14 наст. тома). *Кузми* Михаил Алексеевич (1875—1936) — писатель, примыкавший к символистам. *Дума* — Государственная дума.

Четвертое стихотворение («Мы пойдем на „Зобсиду“...») впервые было опубликовано в «Собр. соч.», т. XII (1936). Эта пародия на известное стих. Вяч. Иванова «Перед жертвой» («Бурно ринулась Мэнада, Словно лань... Словно лань...») была написана Блоком сообща с Н. Н. Волоховой (см. о ней выше, стр. 427) после посещения драмы Г. Гофмансталя «Зобеида», шедшей в театре В. Ф. Коммпсаржевской (спектакль 10 февраля 1907 г.), что устанавливается из неопубликованных «Театральных воспоминаний об Александре Блоке» В. П. Веригиной. О С. М. Городецком см. выше, стр. 405. *Сестрорецкий* — курорт Сестрорецк под Петербургом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вместо предисловия (к сборнику «Нечаянная Радость»). В первом издании сборника «Нечаянная Радость» (1907) было семь разделов: «Весеннее», «Детское», «Магическое», «Перстень-Страданье», «Покорность», «Нечаянная Радость» и «Ночная Фиалка».

Вместо предисловия (к сборнику «Земля в снегу»). Первый эпитаф взят из неопубликованного стих.

Л. Д. Блок «Venus ad Cometam» («Венера — Комете»), обращенного к Н. Н. Волоховой и датированного 15 августа 1907 г. (стихи сохранились в бумагах Л. Д. Блок). Второй эпитафия (из стих. Аполлона Григорьева «Комета»), равно как и образ женщины-кометы, часто встречающийся в стихах Блока 1907—1908 гг., также связан с Н. Н. Волоховой, которой посвящено большинство стихотворений, вошедших в сборник «Земля в снегу». Стихи «*Кто скажет нам, что жизнь мы не умели...*» принадлежат А. А. Фету («А. Л. Бржеской»). Развитие образа Судьбы—цирковой наездницы — в драме Блока «Песня Судьбы» (картина III). Стихи «*Ой, полна, полна корбушка...*» взяты из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» (ср. финальную, седьмую картину драмы «Песня Судьбы»). К. И. Чуковский вспоминает, что Блок, говоря в 1919 г. о Некрасове, особо выделял поэму «Коробейники» — как «одно из самых *магических* произведений поэта, в котором он всегда чувствует буйную вьюгу, разыгравшуюся на русских просторах. „Ой, полна, полна корбушка“ — проговорил он влюбленно, и я впервые ощутил всеми нервами, какая у Блока с Некрасовым кровная (а не только литературная) связь, и какие для него родные стихи: русская вьюга и — поэзия Некрасова» («Из воспоминаний», М., 1959, стр. 403).

Из примечаний ко второму изданию сборника «Нечаянная Радость». В разделе «Магическое» в этом издании (1912) были сосредоточены стихи, в большинстве входящие ныне в состав раздела «Город» («Незнакомка», «Петр», «Гимн», «Город в красные пределы...», «Вечность бросила в город...», «В кабаках, в переулках, в извивах...» и др.). «*Снежная ночь*» — название третьей книги «Собрания стихотворений» Блока (1912).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. А. А. Блок. Фотографический снимок (Апрель 1906 г.). Публикуется впервые.
2. *Стр. 143*. Беловой автограф стихотворения «Петр» (1904 г.), с правкой 1907 г.
3. *Стр. 325*. Черновой набросок «Маска открыла блестящие зубы...» (1905 г.).

СОДЕРЖАНИЕ*

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ВТОРАЯ

(1904—1908)

Вступление («Ты в поля отошла без возврата...») . . . 7 381

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

(1904—1905)

«На перекрестке...»	8	381
Болотные чертенятки («Я прогнал тебя кнутом...»). .	10	381
«Я живу в отдаленном скиту...»	11	382
Твари весенние («Золотисты лица купальниц...») . . .	12	383
Болотный попик («На весенней проталинке...»)	14	383
«На весеннем пути в теремок...»	16	383
«Полюби эту вечность болот...»	17	383
«Белый конь чуть ступает усталой ногой...»	18	384
«Болото — глубокая впадина...»	19	384
Старушка и чертенята («Побывала старушка у Трои- цы...»)	20	384
«Осень поздняя. Небо открытое...»	22	384
Эхо («К зеленому лугу, взывая, внимая...»)	23	384
Пляски осенние («Волновать меня снова и снова...») .	24	385

НОЧНАЯ ФИАЛКА

(1906)

Ночная Фиалка («Миновали случайные дни...») . . . 26 385

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивная) — страницу примечаний.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1904—1908)

«Жду я смерти близ денницы...»	35	389
«Я восходил на все вершины...»	36	389
«Ты оденешь меня в серебро...»	37	389
«Фиолетовый запад гнетет...»	38	389
Взморье («Сонный вздох онемелой волны...»)	39	389
«Я живу в глубоком покое...»	40	390
«Поет, краснея, медь. Над горном...»	42	390
«Зажигались окна узких комнат...»	43	390
«Всё бежит, мы пребываем...»	44	390
«Нежный! У ласковой речки...»	45	390
«Гроб невесты легкой тканью...»	46	391
«Тяжко нам было под выюгами...»	47	391
Ночь («Маг, простерт над миром брений...»)	48	391
«Вот — в изнурительной работе...»	49	392
 Е е п р и б ы т и е:		
1. Рабочие на рейде («Окаймлен летучей пеной...»)	50	392
2. Так было («Жизнь была стремленьем...»)	51	392
3. Песня матросов («Подарило нам море...»)	52	392
4. Голос в тучах («Нас море примчало к земле одичалой...»)	52	393
5. Корабли идут («О, светоносные стебли морей, маяки!...»)	54	392
6. Корабли пришли («Океан дремал зеркальный...»)	55	393
7. Рассвет («Тихо рассыпалась в небе ракета...»)	56	394
Моей матери («Помнишь думы? Они улетели...»)	57	395
«Все отошли. Шумите, сосны...»	58	396
«Шли на приступ. Прямо в грудь...»	59	396
«Вот на тучах пожелтелых...»	60	396
Влюбленность («Королевна жила на высокой горе...»)	61	397
«Она веселой невестой была...»	63	397
«Не строй жилищ у речных излучин...»	65	397
«Потеха! Рокочет труба...»	66	398
Балаганчик («Вот открыт балаганчик...»)	67	398
Поэт («Сидят у окошка с папой...»)	69	398
У моря («Стоит полукруг зари...»)	71	399
Моей матери («Тихо. И будет всё тише...»)	72	399
«Старость мертвая бродит вокруг...»	73	399

«В туманах, над сверканьем рос...»	74	399
Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...»)	75	399
«Не мани меня ты, воля...»	77	401
«Оставь меня в моей дали...»	78	401
«Девушка пела в церковном хоре...»	79	401
«В лапах косматых и страшных...»	80	401
«Там, в ночной завывающей стуже...»	81	401
«Утихает светлый ветер...»	82	401
«В голубой далекой спальне...»	83	401
«Вот он — Христос — в цепях и розах...»	84	402
«Так. Неизменно всё, как было...»	85	402
«Прискакала дикой степью...»	86	403
Бред («Я знаю, ты близкая мне...»)	87	403
Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...»)	89	403
«Милый брат! Завечерело...»	91	403
«Ты придешь и обнимешь...»	93	404
«Мы подошли — и воды синие...»	94	404
Вербочки («Мальчики да девочки...»)	95	404
Иванова почь («Мы выйдем в сад с тобою, скромной...»)	96	404
Сольвейг («Сольвейг! Ты прибжала на лыжах ко мне...»)	98	404
«Ты был осыпан звездным цветом...»	100	405
«Прошли года, но ты — всё та же...»	101	405
Ангел-Хранитель («Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...»)	102	405
«Есть лучше и хуже меня...»	104	406
«Шлейф, забрызганный звездами...»	105	406
Русь («Ты и во сне необычайна...»)	106	406
Сын и мать («Сын осеняется крестом...»)	108	406
«Нет имени тебе, мой дальний...»	110	408
Угар («Заплетаем, расплетаем...»)	112	408
Тишина цветет («Здесь тишина цветет и движет...»)	114	408
«Так окрыленно, так напевно...»	115	409
«Ты можешь по траве зеленой...»	116	409
«Ищу огней — огней попутных...»	117	409
Проклятый колокол («Вёсны и зимы меняли убранство...»)	118	410
«О жизни, догоревшей в хоре...»	119	410
«В синем небе, в темной глубине...»	121	410

Балаган («Над черной слякотью дороги...»)	123	410
«Твоя гроза меня умчала...»	124	410
«В час глухой разлуки с морем...»	125	410
«Сбльвей! О, Сбльвей! О, Солнечный Путь!..» . . .	126	411
«В серебре росы трава...»	127	411
Усталость («Кому назначен темный жребий...») . . .	128	411
«Придут незаметные белые ночи...»	129	411
«Зачатый в ночь, я в ночь рожден...»	130	411
«С каждой весною пути мои круче...»	132	413
Девушке («Ты перед ним — что стебель гибкий...») . .	133	413
«Когда я создавал героя...»	134	413
«Всюду ясность божья...»	135	413
«Она пришла с заката...»	136	413
«Я миновал закат багряный...»	137	413
«Твое лицо мне так знакомо...»	138	414

ГОРОД
(1904—1908)

Последний день («Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...»)	139	414
Петр («Он спит, пока закат румян...»)	141	414
Поединок («Дни и ночи я безволен...»)	144	415
Обман («В пустом переулке весенние воды...»)	146	415
«Вечность бросила в город...»	148	416
«Город в красные пределы...»	149	416
«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...»	150	417
Гимн («В пыльный город небесный кузнец прикатил...») .	151	417
«Поднимались из тьмы погребов...»	153	417
«В высь изверженные дымы...»	155	417
«Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...»	157	418
«День поблек, пзящный и невпнный...»	158	418
«В кабаках, в переулках, в извивах...»	159	418
«Барка жизни встала...»	161	418
«Улица, улица...»	162	418
Повесть («В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...»)	163	419
«Иду — и всё мимолетно...»	165	419
Песенка («Она поет в печной трубе...»)	166	419
Легенда («Господь, ты слышишь? Господь, про- стишь ли?...»)	167	419

«Я вам поведал неземное...»	169	420
Невидимка («Веселье в ночном кабаке...»)	170	420
Митинг («Он говорил умно и резко...»)	172	420
«Вися над городом всемирным...»	175	421
«Еще прекрасно серое небо...»	176	421
«Ты проходишь без улыбки...»	177	421
Перстень-Страданье («Шел я по улице, горем убитый...»)	179	422
Сытые («Они давно меня томили...»)	180	422
«Лазурью бледной месяц плыл...»	181	422
«Твое лицо бледней, чем было...»	183	422
Незнакомка («По вечерам над ресторанами...»)	185	423
«Там дамы щеголяют модами...»	187	423
«Передвечернюю порою...»	189	424
Холодный день («Мы встретились с тобою в храме...»)	191	424
В октябре («Открыл окно. Какая хмурая...»)	193	424
«К вечеру вышло тихое солнце...»	195	424
«Ночь. Город угомонился...»	196	424
«Я в четырех степях — убитый...»	197	424
Окна во двор («Одна мне осталась надежда...»)	198	425
«Хожу, брожу попурий...»	199	425
Пожар («Понеслись, блеснули в очи...»)	201	425
«На серые камни ложилась дремота...»	203	425
«Ты смотришь в очи ясным зорям...»	204	425
На чердаке («Что на свете выше...»)	205	426
Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...»)	207	426
Не пришел на свиданье («Поздним вечером ждала...»)	209	426

СНЕЖНАЯ МАСКА

(1907)

СНЕГА

Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши винной...»)	211	426
Снежная вязь («Снежная мгла взвилась...»)	212	427
Последний путь («В снежной пене — предзакатная...»)	214	
На страже («Я — пенокорный и свободный...»)	215	
Второе крещение («Открыли дверь мою метели...»)	216	427
Настигнутый метелью («Вьюга пела...»)	217	
На зов метелей («Белоснежней не было зпм...»)	219	
Ее песни («Не в земной темнице душевной...»)	220	
Крылья («Крылья легкие раскину...»)	221	428

Влюбленность («И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...»)	223	
Не надо («Не надо кораблей из дали...»)	224	
Тревога («Сердце, слышишь...»)	225	
Прочь! («И опять открыли солнца...»)	227	428
И опять снега («И опять, опять снега...»)	230	
Голоса («Нет исхода вьюгам певучим!...»)	232	
В снегах («И я затают...»)	235	

МАСКИ

Под масками («А под маской было звездно...»)	236	428
Бледные сказанья («— Посмотри, подруга, эльф твой...»)	237	428
Сквозь випный хрусталь («В длинной сказке...»)	239	
В углу дивана («Но в камине дозвепели...»)	240	
Тени на стене («Вот прошел король с зубчатым...»)	242	
Насмешница («Подвела мне брови красным...»)	244	
Они читают стихи («Смотри, я спутал все страницы...»)	245	
Неизбежное («Тихо вывела из комнат...»)	246	
Здесь и там («Ветер звал и гнал погоню...»)	247	428
Смятение («Мы ли — пляшущие тени?...»)	248	
Обреченный («Тайно сердце просит гибели...»)	249	428
Нет исхода («Нет исхода из вьюг...»)	250	
Сердце предано метели («Сверкну, последняя игла...»)	251	
На снежном костре («И взвился костер высокий...»)	252	

ФАИНА

(1906—1908)

«Вот явилась. Заслонила...»	254	428
«Я был смущенный и веселый...»	256	428
«Я в дольний мир вошла, как в ложу...»	257	429
«Ушла. Но гиацнты ждали...»	258	429
«За холмом отзвенели упругие латы...»	260	429
«Я насадил мой светлый рай...»	261	430
«В этот серый летний вечер...»	262	430
О с е н н я я л ю б о в ь :		
1. «Когда в листве сырой и ржавой...»	263	430
2. «И вот уже ветром разбиты, убиты...»	263	430
3. «Под ветром холодные плечи...»	264	430

«В те ночи светлые, пустые...»	266	430
Снежная Дева («Она пришла из дикой дали...») . . .	267	431
«И я провел безумный год...»	269	432

Заклятие огнем и мраком:

1. «О, весна без конца и без краю...»	272	433
2. «Приявший мир, как зловонный дар...»	273	433
3. «Я неверную встретил у входа...»	274	
4. «Перехожу от казни к казни...»	274	433
5. «Пойми же, я спутал, я спутал...»	275	433
6. «В бесконечной дали корридоров...»	276	433
7. «По улицам метель метет...»	277	434
8. «О, что мне закатный румянец...»	278	
9. «Гармоника, гармоника!..»	280	434
10. «Работай, работай, работай...»	281	434
11. «И я опять затих у ног...»	282	434
Инок («Никто не скажет: я безумен...»)	283	434
Песня Фаины («Когда гляжу в глаза твои...»)	284	434
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...»	286	435
«Когда вы стоите на моем пути...»	288	436
«Она пришла с мороза...»	290	436
«Я помню длительные муки...»	292	436
«Своими горькими слезами...»	293	437

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(1907)

О смерти («Всё чаще я по городу брожу...»)	295	439
Над озером («С вечерним озером я разговор веду...»)	299	439
В северном море («Что сделали из берега морского...»)	303	439
В дюнах («Я не люблю пустого словаря...»)	306	439

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ**

(1904—1908)

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Неоконченная поэма («Я видел огненные знаки...»)	311	440
«Полон визга веретеп...»	313	441
Андрею Белому («Ты открывал окно. Тумац...»)	313	441

Колыбельная песня («Спят луга, спят леса...»)	314	441
«Веселимся, кру́жимся...»	315	442
«Мы в круге млечного пути...»	315	442
Война («Вот поднялась. В железных лапах...»)	316	442
Подражание («Сновпдец в розовой дремэ...»)	316	442
«По зеленым обрывам...»	317	442
«Ночью пыльной легла...»	317	442
«Я сойду и намечу...»	318	442
«Всё так же бродим по земле...»	318	443
«Лишь заискрится бархат небесный...»	319	443
«Безрадостна бывает грусть...»	320	443
«Свободны дали. Небо открыто...»	320	443
Учитель («Кончил учитель урок...»)	321	443
Ветхая избушка («Ветхая избушка...»)	322	443
Снег да снег («Снег да снег. Всю избу́ занесло...»)	322	443
Зайчик («Маленькому зайчику...»)	323	443
Деве-Революции («О, Дева, иду за тобой...»)	324	443
«Маска открыла блестящие зубы...»	326	443
«Как наши окна были близко!..»	327	443
«Ты с вершин печальных гор...»	327	444
Рождество («Звонким колокол ударом...»)	328	444
«Серебристым, снежным хмелем...»	329	444
«Отдавшись снежной выюге...»	330	444
«Вот река полноводнее...»	330	444

Ненужная весна:

1. «Отсеребрилась, отзвучала...»	331	444
2. «В глазах ненужный день так ярок...»	331	444
3. «Зима прошла. Я болец...»	332	444

«В темной комнате ты обещана...»	332	445
«Ты пробуждалась утром рано...»	333	445
«И мы подыдем их на вилы...»	333	445
«Сырое лето. Я лежу...»	334	445
Песельник («Я — песельник. Я девок вывожу...»)	335	445
«Везде — над лесом и над пашней...»	335	445
«Меня пытали в старой вере...»	336	445
«Ходит, бродит, колобродит...»	336	446
«Стучится тихо. Потом погромче...»	336	446
«Их было много — дев прекрасных...»	337	446
«В глубоких сумерках собора...»	338	446

По православному («Ты не получишь воздаянья...») .	339	448
«Чудесно всё, что узнаю...»	339	448
«Ты помнишь — в лодке в час заката...»	339	448
Королевна («Не было и нет во всей подлунной...») .	340	448
«Не могу тебя не звать...»	340	448

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ВЕРХАРН

Шаги («В зимний вечер, когда запирались...»)	342	449
--	-----	-----

БАЙРОН

Подражание Тибуллу («Серпиф жестокий! Ты ль неверным сердцем рад...»)	346	450
Подражание Катуллу («О, только б огонь этих глаз целовать...»)	346	450
Посвящается Мэрион («Что ты, Мэрион, так грустна?..») .	347	450
Отрывок («Бесплодные места, где был я сердцем молод...»)	348	450
Георгу, графу Делавару («О, да, я признаюсь, мы с вами близки были...»)	348	450
Дамет («Бесправный, как дитя, и мальчик по летам...») .	350	450
L'amitié est l'amour sans ailes («К чему скорбеть большой душою...»)	350	
Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу («Места родимые! Здесь ветви вздохов полны...») .	353	450
Из дневника в Кефалонии («Встревожен мертвых сон — могу ли спать?..»)	354	450
Люсьетта («Люсьетта, голубка...»)	354	
Любовь и смерть («Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо...»)	354	
Песнь к сулиотам («Дети Сули! Кипьтесь в битву...») .	355	450
На рождение Джона Вильяма Рпццо Гоннера («Пусть прелесть матери с умом отца...»)	356	450
Победа («Пою дитя любви, вождя войны кровавой...») .	356	451
Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей, по поводу того, что принц регент возвратил ее портрет м-с Ми («Когда торжественно тщеславный кесарь Рима...»)	357	451

ЛЕГОНТ

Цирцея («Год миновал. Мы пьем среди твоих владений...»)	359	451
---	-----	-----

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

Корреспонденция Бальмонта из Мексики («Я бандит, я бандит!..»)	361	452
«Жена моя, и ты угасла...»	362	453
«Чулков и я стрелой амура...»	362	453
«Чулков „Одною ночью“ занят...»	363	453

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПРИ УЧАСТИИ А. БЛОКА

«Скользкая жаба-змея, с мутно-ласковым взглядом...»	364	454
«Близятся выборы в Думу...»	364	454
«Для исполнения программы...»	365	454
«Мы пойдем на „Зобенду“...»	365	454

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вместо предисловия (к сборнику «Нечаянная Радость»)	369	454
Вместо предисловия (к сборнику «Земля в снегу»)	371	454
Из примечаний ко второму изданию сборника «Нечаянная Радость»	375	455

Примечания

Сокращения, принятые в примечаниях	379	
Примечания	381	
К иллюстрациям	456	

Александр Александрович
БЛОК

Собрание сочинений, т. 2

Редактор А. Бихтер
Художник Н. Крылов
Художественный редактор
Л. Чалова
Технический редактор
Л. Крючкина
Корректор
О. Семенова-Тян-Шанская

Сдано в набор 9/IX-1959 г. Под-
писано к печати 20/I 1960 г.
Бумага 84 × 108^{1/32} 14,625 печ.
л. = 23,98 усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 14,742 + 1 вкл. = 14,785 л.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 1633.
Цена 7 р. с 1/I 1961 — 70 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление полигра-
фической промышленности. Типо-
графия № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

